

ПРОЕКТ ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

РУСЛАН МЕЛЬНИКОВ ЧЕРНАЯ КОСТЬ

КНИГА ТРЕТЬЯ. АЛМАЗНЫЙ ТРОН

Черная кость

Руслан Мельников

Алмазный трон

«Автор»

2013

Мельников Р. В.

Алмазный трон / Р. В. Мельников — «Автор», 2013 — (Черная кость)

Через Великую Стену восточного народа хань невозможно проложить Темные Тропы. Эту древнюю Стену нельзя обойти. Лишь взяв ее штурмом, князь-волхв Угрим сможет завладеть недостающими артефактами. Угрим ведет к Стене союзные войска татар и латинянских рыцарей. Тяжелая битва с ханьцами заканчивается странно и неожиданно, но в итоге шесть Черных Костей собраны воедино. Можно праздновать победу. Только чью? Книга публикуется в новой авторской редакции.

© Мельников Р. В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	21
Глава 3	30
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Руслан Мельников

Алмазный трон

Новая авторская редакция

Пролог

Черное пятно провала посреди бескрайней белой равнины, было подобно раззявленному рту. Провал-рот окружали нагромождения смерзшихся камней, ледяная корка и толстый слой снега. Высокие неровные сугробы, словно воспаленные холодные губы, тщились дотянуться до неба и поцеловать проплывавшие мимо облака.

В бездонную дыру не задувал ветер, не падали снежинки и не стекала талая вода. Из зияющих недр поднимались струйки пара.

Провал-рот дышал. Или дышало то, что находилось в нем.

У края провала на шапке плотного снежного наста стояли двое. Старик и Юнец. Учитель и Ученик смотрели на теплое дыхание земли. Поднимавшееся снизу туманное марево касалось их лиц, серебрило инеем густую бороду Учителя и длинные – до плеч – волосы Ученика.

Чуть в стороне из снега торчали лыжи – широкие, обитые оленьим мехом и щедро смазанные жиром. Лыжня тянулась по заснеженной равнине до самого горизонта, и ленивая поземка уже начинала ее припорошивать.

Эти двое пришли издалека.

Старик говорил.

– Настало время показать тебе то, что когда-то было показано мне, – звучал его негромкий голос. – А мне было показано и сказано так...

Юнец молча внимал.

– Давно, очень давно, настолько давно, что об этом лучше не задумываться, лопнула кожа земли, и разверзлось ее чрево. В этом самом месте, – Старец кивнул себе под ноги, – недра попытались выпихнуть хранящееся внутри них. Земля больше не в силах была укрывать сокровище. Так появился этот провал. Так древний тайник увидел небо.

Старик отвел взгляд от черной дыры в белом снегу и внимательно посмотрел на молодого спутника.

– Здесь кроется сила Древних и защита племени, давшего жизнь мне и тебе. Замри и прислушайся к своим ощущениям. Если ты уже достаточно опытен и если готов сделать следующий шаг, то обязательно почувствуешь...

В голосе Старца слышалось нарастающее напряжение. Старик волновался и не особенно скрывал этого.

– Скажи, ты чувствуешь силу? – после недолгой паузы спросил он.

– Сила, – заворожено повторил Ученик. – Сила Древних...

Юнец кивнул. Его глаза горели.

– Да я чувствую... Большую силу... Очень большую... Там, внизу, должно быть, кроется нечто, способное изменить мир.

– Нет-нет-нет, – покачал седой головой старик. – Весь мир менять не надо. Как его сделать лучше, не знает никто. Зато желающих ухудшить установленный порядок вещей всегда хватает с избытком. Но сила, укрытая под землей, поможет тебе изменить свою судьбу. Если ты окажешься достоин этой силы, она будет доверена тебе, и ты станешь истинным Шама-ном-Хранителем племени. Но помни: сила Древних может быть опасной, ибо никто не знает наверняка, что она есть и где есть ее пределы. Мы черпаем ее понемногу. Мы берем лишь то,

что само просачивается снизу. Этого хватает племени, чтобы выжить и уберечься от врагов. Большого нам не нужно.

– Но почему?! – тряхнул головой Юнец. – Почему не нужно большего? Почему бы не спуститься вниз? Почему не взять все?

Старец вздохнул и неодобрительно поморщился.

– Хотя бы потому, что так глубоко спускаться людям не дано. Нет веревки, которая достала бы до дна этого провала. Нет человека, который смог бы ступить на его дно и остаться в живых.

– Если человек очень хочет, он доберется куда угодно, – не согласился Юнец.

– Только не сюда. Это древний жальник, откуда не возвращаются. Это могила, в которой нет и не будет места живым.

– Я мог бы рискнуть, – с вызовом бросил Ученик.

– Но ты не сделаешь этого, – твердо ответил Учитель.

– Почему?

– Потому что я не позволю.

Голос Старца звучал спокойно и уверенно.

Юнец шумно выдохнул. Он не смотрел на Учителя. Он не отводил глаз от бездны под ногами.

– Кто-нибудь хотя бы пробовал спуститься вниз?

Старец отвел глаза.

– Возможно, желающие были, но мне об этом неизвестно. Дорогу сюда знают только Шаманы-Хранители. А нам спускаться вниз ни к чему. Источник великой силы был спрятан под землей не нами, и не нам пытаться его достать.

– А кто его спрятал и зачем? – жадно выпалил Юнец.

– Это сделали сильные маги Древних – вот все, что я знаю. Вероятно, у них была причина.

– Не во всех поступках колдуна следует искать скрытые причины и тайные смыслы, Учитель, – дерзко заметил Юнец.

– Но во всех поступках они есть, – усмехнулся Старик. – Когда-нибудь и ты поймешь это. А пока просто запомни зарок, который дали нам предки: принимать с благодарностью ту малую толику силы, что сочится из-под земли и питает магию наших шаманов, довольствоваться ею и не стремиться к большему. Если ты сумеешь поступать так, как наказали предки, если справишься с любопытством и жадой могущества – значит, заменишь меня. Если нет, мне придется искать другого преемника.

Юнец прикусил губу. Потом заговорил снова.

– И все же объясни, Учитель, почему мы должны избегать возможностей, лежащих у нас под ногами? Какой вред может принести сила Древних живущим сейчас? Чем именно опасен ее источник?

Старец тяжело вздохнул.

– Ответить на эти вопросы уже не сможет никто. С тех пор, как лопнула земля, слишком много поколений ушло в нее. И забылось многое. Даже самое важное забылось. Время безжалостно, а людская память коротка.

Еще один долгий старческий вздох...

– Просто прими все как есть. Предки дали нам зарок. Мы не помним почему, но сам зарок мы еще помним. Этого достаточно.

– И что же, теперь нам остается слепо выполнять волю тех, чей прах давно истлел? – нахмурился Ученик.

– Они были мудры. – Учитель тоже свел кустистые седые брови.

– Или трусливы?

Старец предупреждающе вскинул руку.

– Не смей говорить такое о предках своего племени! Ты еще слишком молод и неразумен, чтобы в чем-либо их обвинять!

– Предки обрекли племя на вечное прозябание. А ведь имея такое, – Юнец кивнул на пролом, – Имея такую силу, они могли бы... могли бы...

Он задохнулся, пытаясь представить возможности, которые открывала перед племенем сила Древних.

– Они не могли, – жестко отрезал старик. – Раз не сделали, значит, не могли. Значит, у них просто не было выбора.

– В такое трудно поверить, – упрямо пробормотал Ученик. – Такое трудно понять.

– Если хочешь стать Шаманом-Хранителем, тебе придется поверить. И понять. И принять это. В противном случае Хранителем тебе не стать.

Старик снова вздохнул – глубоко и шумно:

– Мне будет жаль, если ты не пройдешь испытание искушением. Среди моих учеников нет никого, кому колдовское искусство давалось бы так легко, как тебе. И вряд ли такие способные ученики были у других Шаманов-Хранителей. Честно говоря, не думаю, что кто-то вообще сумел бы использовать скрытую здесь силу Древних лучше, чем ты.

Это была наивысшая похвала, которую мог услышать Ученик от Учителя. Старец отвернулся от Юнца. Шагнул к провалу, заглядывая вниз. На миг его взгляд слился с бездной.

– Вот именно... никого, – неслышно, одними губами, прошептал за его спиной Юнец. – И никто не сумел бы... Лучше, чем я – никто.

Он добавил еще несколько слов – быстро и неразборчиво.

Краткое боевое заклинание, злая улыбка и резкий взмах обеими руками. Колдовской знак, выписанный в воздухе...

Магический удар был нацелен в спину Учителю. Удар скорый, сильный и безжалостный.

* * *

Ком смерзшегося до алмазной прочности воздуха, брошенный в потертый полушубок старика, обратился в пар, так и не коснувшись Учителя. Однако Ученик не образумился и не прекратил волшбы. Проклиная шамана, он вычертил новый знак и выкрикнул новое заклинание.

Снег под ногами Старца взвился вверх и в одно мгновение окутал невысокую человеческую фигуру на краю провала плотным коконом. Среди снежинок мелькнули искорки холодного колдовского пламени. В следующий миг эти искры слились и обратились в размазанные полосы, затягивающиеся подобно тугим путам. Снежно-огненный вихрь-кокон сжался словно кулак, сминая шамана длинными сверкающими пальцами.

В «кулаке» что-то хрустнуло, что-то треснуло. И...

Полыхнула яркая вспышка. Молния, ударившая изнутри, разрубила кокон. Вихрь распался. Колдовской огонь и снег осыпались, открывая жертву.

Которая на самом деле жертвой вовсе не была.

Старик стоял в центре кружащейся поземки, раскинув руки в стороны и выставив ладони. меховые рукавицы – изорванные в клочья, дымящиеся – лежали у ног Старца. Слабое, едва заметное сияние, сочившееся из его пальцев, быстро таяло на фоне снежной белизны.

Учитель смотрел на Ученика. И взгляд этот не предвещал Юнцу ничего хорошего.

Вихрь-кулак лишь слегка потрепал тулуп старого Шамана-Хранителя и сбил шапку с его головы. Самому Шаману боевая волшба вреда не причинила.

– Глупец! – с тоской произнес Старик. – Ты преуспел во многом, но не превзошел меня. Прежде чем учить тебя дальше и давать власть над силой Древних, я должен был убедиться, что эта наука не пойдет во вред. Что ж, теперь я вижу, что ошибся в тебе.

Юнец не скрывал удивления, разочарования и досады. Он ударил снова. На этот раз магические пасы Ученика вздыбили сугроб над головой старца и, обратив снег в ледяной торос, обрушили его на Учителя.

Тот легко отразил и эту атаку. Едва заметное движение не руки даже – пальцев, разнесло сверкающую глыбу вдребезги. Лед брызнул в разные стороны. Острые блестящие осколки испятнали снежное покрывало вокруг, но даже не оцарапали Старца.

– Неужели ты надеялся справиться с Хранителем у источника могущества, которое он бережет? – голос Старика стал жестким, колючим и звонким, как рассыпавшиеся вокруг льдинки. – Неужели ты возомнил себя достойным обращаться с силой, о сути которой знаешь меньше, чем знаю я, и владеть которой не обучен вовсе?

Учитель сделал шаг к Ученику.

И еще один. И еще.

Ученик отступил, стараясь держаться подальше от чернеющей в снегу воронки провала.

Само это место, пропитанное древними магическими токами, помогало сейчас старому Шаману. Он бывал здесь неоднократно, и он знал, как должно себя здесь вести.

Старик двигался по глубокому снегу без лыж как по земной тверди. Юнец пятился, по колено проваливаясь в сугробы.

Сначала – по колено, потом – по пояс...

Казавшийся надежным наст, предательски проламывался под его весом. Раскалывалась толстая наледь...

Юнец, запаниковав, ударил снова. Размашисто рубанул воздух двумя руками. Две глубокие борозды, извергая шипение и густой пар, протянулись по снегу к ногам Шамана-Хранителя. Однако Старик, оказавшийся в перекрестии рубящих ударов вновь не пострадал. Только хлестнувший в лицо порыв ветра колыхнул седые волосы на обнаженной голове.

Старец тоже начинал творить волшебство. Колдовал он деловито и основательно, с неторопливой уверенностью, без спешки и без злобы. Его чары действовали так же – постепенно, неотвратимо.

Ученика облеплял снег. Крепкий наст, обратившийся в рыхлое месиво, затягивал его, подобно холодной трясине. И словно невидимые ладони ребенка-великана лепили вокруг беспомощного человека гигантский снежок.

Снег сжимал тело Юнца, твердел, уплотнялся, давил...

– Ты не прошел испытания, – звучал сквозь снежный хруст тихий, полный сожаления голос Старца. – Ты постиг законы магии лучше, чем кто-либо из моих учеников, но ты не постиг законов людских.

Руки еще оставались свободными, и Юнец размахивал ими, стараясь вырваться из снежного плена. Но все попытки были тщетными. Ученическая волшебство не могла тягаться с заклинаниями старого шамана.

– Ты ни во что не ставишь благополучие племени, и в тебе нет уважения к заветам предков, – продолжал Старик. – Желая всецело обладать запретной силой, ты поднял руку на ее Хранителя и на своего Учителя. В тебе слишком много страстей и желаний, которые будут править тобой, а не наоборот.

Юнец увязал все глубже и дергался, как рыба на крючке.

Старец подступил к нему еще ближе, не оставляя следов на снегу.

– Тебе нельзя становиться Шаманом-Хранителем. И тебя нельзя оставлять в живых. Ты знаешь дорогу к сокрытой силе. А лишнее знание порождает искушение. А непреодоленное искушение одного становится причиной гибели многих. Я приведу сюда вместо тебя другого, пусть менее способного, но более достойного. И я передам тайну силы ему. В тебе племя больше не нуждается. Прости... Прощай...

Лицо Старца было печальным. Слова были пронизаны грустью. Ладони плавно выписывали в воздухе магические пассы.

Снег, в котором тонул Юнец, пришел в движение.

– Ты хотел спуститься вниз, и ты попадешь туда, куда так стремился. Там уже лежат кости таких же, как ты. Ученики, жаждущие владеть всей силой Древних, находят могилу возле ее источника. Так было всегда. И так будет впредь.

Снег, движимый магией Учителя, тянул Ученика к краю бездны, будто вязкий оползень.

Юнец предпринял еще одну попытку вырваться. Но новые тяжелые пласты уже облепляли руки и накрывали голову. Снег давил, душил...

Над заснеженной равниной разнесся отчаянный вскрик.

И тут же оборвался: холодный кляп заткнул Ученику рот.

В следующую секунду черный зев бездонного провала заглотил добычу.

* * *

Падение было долгим. Почти бесконечным. И поистине безграничным был ужас, который испытал за это время Юнец.

Снежный кляп, забивший глотку, не спешил таять, и Ученик Шамана-Хранителя не имел возможности ни крикнуть, ни произнести заклинание. И смерть от удушья могла наступить прежде, чем тело достигло бы дна провала.

Так могло быть. Но так не стало.

Смерть не наступила вообще.

Та смерть, которой обычно умирают люди. Впрочем, возможно, за Юнцом пришла другая.

У бездны все же имелось дно.

Был удар. Сильный, страшный.

Снежный ком взорвался как глиняный горшок, в который угодила стрела с тяжелым бронбойным наконечником. Но за краткий миг, за долю мгновения до того, Юнцу показалось, будто кто-то, нет – пожалуй, все-таки, что-то... да, именно что-то поймало и удержало его в воздухе.

Еще была тусклая вспышка цвета крови.

Он не разбился.

Он упал. Или опустился. Или просто лег. Спина. На что-то жесткое, острое. Холодное. Холоднее, чем снег во рту.

Камень? Лед? Скальный клык?

Хруст. Боль...

И – сила! Немыслимая. Невообразимая. О которой прежде нельзя было даже мечтать. О которой нельзя было помыслить. Мощный леденящий ток колдовских флюидов, пробил спину и бурлящей волной растекался по всему телу, захлестнув каждую его частичку.

Промыл. Обновил. Пе-ре-ро-дил!

В одно мгновение, растянувшееся на целую вечность, Ученик узнал и понял если не все, то многое. Во всяком случае, ему открылось несравнимо больше, чем было известно Учителю.

Теперь все жалкие секретешки Шаманов-Хранителей казались смешными и ничтожными. Теперь истинные тайны Древних нашли нового носителя.

И их тайны, и их сила.

Юнец, в одночасье получивший могущество и мудрость, которые и не снились старцам, поднял голову. Юнец встал на ноги. Огляделся. Приходя в себя. Осмысливая себя.

Привыкая к себе, новому.

Внизу не было темно. Холодный воздух, густо пропитанный колдовскими токами, переливался разноцветными бликами. Древняя магия копилась здесь веками и не находила себе применения. Именно невостребованное чародейство раскололо в свое время скальную породу и теперь освещало дно провала.

Вокруг словно горели десятки масляных ламп. А гладкие обледеневшие стены подземного грота были подобны голубым зеркалам. Стены многократно отражали все, что находилось между ними.

Под стенами лежали груды смерзшихся костей и переломанных тел. Останки Учеников, которые тоже не прошли испытание Искушением и были сброшены вниз Учителями. Но которые упали не туда, куда было нужно. Или не тогда, когда нужно было. Нет, не так!

Которых не уберегла от смерти магия, заполнившая подземную пустоту.

Потому что все они не были достойны. Не были достаточно искусны. И, наверное, не были готовы. Это Юнец откуда-то знал тоже, он был в этом уверен. Средоточие древней силы избрало его. Из всех сброшенных сюда Учеников – его одного. Это было лестно. Это было много лучше, чем пройти то дурацкое испытание, которое устроил Шаман-Хранитель.

В сверкающих ледяных зеркалах Юнец увидел свою спину – надломанную и развороченную, однако не ощутил от увиденного ни страха, ни сожаления, ни беспокойства. Он даже не удивился тому, что еще жив и может стоять.

Боли не было. Уже. Совсем. В дырявом полушубке между лопаток пульсировали багровым светом острые грани необычайно крупного кристалла, залитого кровью. На гладкой поверхности белели матовые письмена. Внутри темнела Кость. Черная. Череп Нечеловека, заключенный в прозрачную оправу колдовского самоцвета. Тот самый источник той самой силы...

Череп скалился из спины Юнца острыми зубами. Кровоточащая рана на спине быстро затягивалась. Буквально на глазах.

Кристалл вращался в спине Ученика, втискиваясь в его плоть и кость, обращаясь в горб. Горб сильно уродовал стройное тело Юнца.

Юнец улыбался.

Скоро все было кончено. Не стало видно ни крови, ни прозрачных граней, помеченных древними знаками, ни черного черепа, принадлежавшей твари иного мира. На спине не осталось ни шрама, ни рубца. Только в меховом полушубке зияла широкая прореха. Впрочем, холод, забивавшийся под рваную одежду, Ученика не беспокоил. Он научился не чувствовать холода.

На обледеневшем дне провала – в самом его центре – осталась небольшая выемка, похожая на лунку от выпавшего зуба. Зуб-самоцвет крепко сидел теперь в новой десне. Десной и челюстью для него отныне стал молодой и самый способный из Учеников Шамана-Хранителя.

* * *

Выбираться из самой глубокой бездны совсем нетрудно. Если целиком и полностью владеешь силой, которой чурались даже ее Хранители. Если познал все ее тайны. И если не страшишься ее использовать.

Напевный речитатив давно забытых в этом мире, но всплывающих из ниоткуда заклинаний. Плавные колдовские пассы. Вскинутые вверх руки...

Дно провала качнулось, словно намереваясь опрокинуть горбатого мага. Но молодой маг стоял крепко. Его ноги словно вросли в ожившую твердь.

Дно начало подниматься, словно выталкиваемая снизу пробка. Сначала – медленно, потом – быстрее. Царапая голубые зеркала обледеневших стенок, небольшой пяточок скалистой породы возносил молодого чародея все выше, выше...

Камень скреб о лед. Юнец не опускал рук.

...Когда он вышел из провала, Шамана-Хранителя поблизости уже не было. Между нагромождениями присыпанных снегом камней, тянулась извилистая лыжня. Учитель ушел тем же путем, которым привел Ученика.

Лыж Юнца тоже не было. Если племя живет небогато, пара хороших охотничьих лыж никогда не будет лишней.

Он усмехнулся. Имея доступ к ТАКОЙ силе, ТАК бедно жить! Влачить жалкое существование столько времени! Да, возможно, осторожность многих поколений Шаманов-Хранителей была в чем-то разумной и оправдывалась страхом перед неизвестной природой силы Древних, но не была ли она излишней, эта осторожность?

Юнец догнал Старика без особого труда. Лыжи ему для этого теперь не требовались.

Месть была скорой. Шаман-Хранитель умер быстро и почти безболезненно. Долго мучить своего Учителя Ученик не стал. Но и не смог отказать себе в удовольствии увидеть ужас в глазах того, кто закатал его в снег и сбросил в провал.

Племя, в котором он вырос, и которому оказался не нужен, Юнец не тронул вовсе. Не из великодушия – нет. Сейчас ему было глубоко безразлично его племя. Как, впрочем, и всегда. Причина заключалась в другом: не стоило долго задерживаться там, где была использована сила Черной Кости, сокрытой в самоцвете. Вместе с другими секретами Древних, Ученик узнал главный: доставшийся ему магический кристалл – не единственный. Где-то есть и другие. Еще пять штук.

И у каждой Кости мог быть свой хозяин. И у каждого хозяина могла быть только одна заветная мечта: собрать все шесть самоцветов воедино. А уж тогда... Безграничная власть и бесконечная жизнь – вот, что будет тогда. Вот, чем станет обладать самый удачливый охотник за Костями-артефактами.

Ставки в этой опасной игре слишком велики. Посвященные в тайну Черных Костей рано или поздно узнают или почуют, что сила Кости была выпущена, причем, выпущена по-настоящему. И Посвященные непременно выяснят, где это случилось. И они придут. А потому...

Потому Юнец, обрешенный уродливый горб, запретное могущество и древнее знание, спешил поскорее покинуть родные края. Уступать кому-либо свой кристалл он не хотел. Зато очень хотел отыскать чужие.

Отыскать и завладеть ими. Всеми. Сам.

Глава 1

– Потом были долгие скитания.

Со стен бесерменской крепости было видно, как в широком проходе между раздвинутых магией скал смешанными походными колоннами строятся латинянские рыцари и татарские нукеры. Воины топтались по завалам из трупов, оставшимся после штурма ассасинской твердыни. Воины готовились к новой битве.

Угрим закончил свой рассказ. Конечно, он рассказал далеко не все из тех давних воспоминаний, которые и сейчас стоят перед глазами настолько отчетливо, будто все произошло только вчера. И, конечно, он рассказал не совсем так, как было на самом деле. Он рассказал лишь то, что ему было нужно. И так, как было нужно.

Князь-волхв задумчиво смотрел вниз с надвратной башни. У его ног лежали три магических кристалла. За прозрачными гранями, испещренными матовыми письменами, темнели Черные Кости навьей твари. В одном из самоцветов скалился маленький усохший череп Кощея. Прежде этот кристалл был княжеским горбом. В двух других самоцветах запечатаны Кошечьи руки. Тоже маленькие и сухие, покрытые черной кожей. Согнутые в локтях, со скрюченными пальцами – длинными и тонкими.

Чуть в стороне к забору стены был прислонен мешок с трофеями, добытыми на месте стычки с желтолицым магом.

Угрима слушали трое. Император Феодорлих. Хан Огадай. И Тимофей, с недавних пор всюду следовавший за князем-волхвом неотлучной тенью. Охрана – ханские нукеры и имперские рыцари-трабанты – держалась поодаль. То, что говорилось сейчас, не предназначалось для их ушей.

– Как вы попали в земли руссов, князь? – спросил Феодорлих. Его единственный глаз, не моргая, смотрел на Угрима.

Некоторое время Угрим молчал.

– Я присоединился к дружине князя Рурка, – наконец, произнес он. – Из северных земель на Русь я прибыл с варягами.

– Рурк?! – не удержался Тимофей. – Варяги?!

Легендарный варяжский князь Рурк?! Крысий потрох! Когда это было-то!

– Княже, это же...

– Да, это произошло давно, – не дал ему договорить Угрим. – Я же сказал: мои скитания были долгими.

Тимофей только покачал головой. Угрим-то сказал, конечно, но кто мог подумать, что настолько долгими! Срок, который князь уже прожил на грешной земле, никак не укладывался в голову. И этот человек еще мечтает о бессмертии!

Тимофей недоверчиво глянул на Угрима.

– И все-таки время, княже! Столько времени прошло!

– Не так много для того, кто все это время прожил неразлучно с источником Кошечьей силы, – усмехнулся Угрим. И продолжил, как ни в чем не бывало: – Я был эрилем в дружине Рурка...

– Эриль? – переспросил Огадай.

– Волхв, колдун, шаман... – пояснил Угрим. – Я отправился с Рурком, потому что нам было по пути. Потом, когда пришло время, я его покинул и дальше шел сам.

– Дальше – это куда? – не понял Феодорлих.

– К тулову Кощея. Черная Кость указывала мне дорогу. Она была во мне, в моей спине. Я научился слушать и слушаться ее. И она меня не обманула. Я добрался до ищерских земель, пропитанных магическими токами. Я отыскал тронную залу Кощея. Я возвысился над мест-

ными волхвами. И я стал князем. Полагаю, тратить время на подробный рассказ об этом не стоит.

Никто и не настаивал. Все понимали: сильному и искусному магу, пусть даже и явившемуся неизвестно откуда, не так уж и трудно захватить власть над захудалом княжеством, затерянным в лесах и болотах. И еще проще ему будет эту власть удержать.

– Надеюсь, я объяснил все? – Угрим окинул пытливым взглядом императора и хана. – Надеюсь, больше вопросов нет, и теперь мы можем выступать?

– Не так быстро, князь, – покачал головой император. – Не так быстро. Последняя стычка едва не стоила всем нам жизни. Колдовская Тропа, по которой мы в прошлый раз пошли за тобой, нас чуть не сожрала.

Хан кивнул, молча соглашаясь с Феодорлихом и не сводя с Угрима прищуренных глаз.

Князь вздохнул.

– Когда идет война, смерть всегда гуляет рядом. И чем дольше будет наше промедление, тем дольше продлится война.

И хан, и император выжидающе смотрели на князя.

– Подумайте о том, что остался последний враг и последняя битва, – продолжил Угрим. – Две Черные Кости – это все что нам нужно добыть. Две из шести, которые еще не принадлежат нам.

««Нам» или «мне»?» – усмехнулся про себя Тимофей. Что-то подсказывало ему: князь имел в виду именно «мне».

– И которые не понятно, где искать, – хмуро заметил Феодорлих.

– Это как раз не самая большая проблема. Это мы узнаем прямо сейчас. Тимофей? – Угрим кивнул на мешок с трофеями.

Тимофей понял приказ. Он вытряхнул из мешка бесерменские крючья и кольцо с лезвиями на внутренней стороне. Железо звякнуло о камень. Сверху упали веревочные хвосты.

Огадай и Феодорлих недоуменно переглянулись.

– Эти вещи помечены колдовством, – пояснил князь. – Они несут на себе магию того, кто похитил Арину и взял кристаллы с Костями. Но любая магия имеет след. И по магическому следу можно найти сотворившего ее чародея.

На дальнейшие объяснения Угрим не стал тратить времени. Князь склонился над диковинным иноземным оружием. Тронул ладонью спутавшиеся веревки, огладил лапы-крючья и железный обруч с выдвижными ножами. Губы Угрима шевелились, глаза были прикрыты. Князь творил волшебство.

Тимофей поймал себя на мысли, что никак не может привыкнуть к безгорбой спине Угрима.

Тимофей ждал. Молча ждали император и хан. В такие моменты лучше ничего не говорить. Лучше не мешать чародеям в такие моменты.

– Проклятье! – Угрим вдруг отшатнулся от бесерменских вещей.

Тимофей машинально схватился за меч.

– Что, княже?! Что?!

Взялись за оружие Феодорлих и Огадай. Заволновались телохранители императора и хана.

– Проклятье! Проклятье! Проклятье! – трижды выпалил Угрим. Теперь его глаза были широко распахнуты и пылали от гнева.

– В чем дело, коназ? – вперед выступил Огадай. В руках хана блеснул обнаженный клинок.

– Что происходит? – подался за ханом Феодорлих. Тоже с мечом наголо.

И тут же оба отшатнулись обратно.

Угрим ничего не ответил. Ни Тимофею, ни хану, ни императору. Князь взмахнул руками. Выплюнул краткое заклинание.

Там, где лежали трофеи, столбом поднялось голубое пламя. Ревущее. Искрящееся.

Крысий потрох! На миг Тимофею показалось, будто он различил в колдовском огне огромное око, зависшее над башенной площадкой. Потом видение исчезло.

Магический удар был страшен. Веревки развеялись пеплом. Подвижные крючья-когти развалились на сочленения. Кольцо с ножами изогнулось спиралью, лопнуло и рассыпалось на части. А еще мгновение спустя железо обратилось в окалину и пыль.

Порыв ветра сдул с почерневшего камня золу и труху. От бесерменского оружия не осталось и следа.

* * *

По лицу Чжао-цзы скользнула мимолетная, едва уловимая гримаса недовольства. Горбатый колдун западных варваров-фань, который на самом деле вовсе не был горбуном, слишком быстро распознал его хитрость. Старейшине-ву, предводительствующему над кланом «лесных демонов» лишь гуй, это не понравилось.

Утешало одно: прежде чем колдовское пламя оборвало магическую нить, позволявшую следить за врагом, Чжао-цзы все же успел кое-что узнать. И, если быть уж совсем честным, он успел узнать не так уж и мало.

А со временем узнает еще больше.

Обязательно узнает. Непременно...

Предводитель лишь гуй с улыбкой глянул на пленницу, которая лежала между двух кристаллов с Костями Силы. Это была хорошая добыча – и кристаллы, и пленница.

Кристаллы... Толстая прозрачная оболочка. На ровных блестящих гранях проступают путанными матовыми росчерками древние письмена. Не всякий каллиграф смог бы безошибочно скопировать столь сложные иероглифы. Внутри каждого кристалла – согнутая в колене и сильно усохшая нога. В одном – правая, в другом – левая. Кость и кожа. Вернее одна только Кость, обтянутая тонкой сухой почерневшей пленкой, некогда бывшей кожей. Мумифицированные конечности были маленькими – как ноги истощенного младенца. Но они не принадлежали человеку. Согласно тайным преданиям, это были останки Яньвана – князя мертвых. Кости, несущие в себе его силу, попали в этот мир из царства, напитанного водами желтого источника. Из подземного царства Смерти, имя которому Диюй.

Пленница... Миловидное лицо иноземной варварки портила гримаса ненависти. Большие и черные, как спелая ягода тутовника глаза горели бессильной злобой. Род оскален, зубы – ровные, белые. Что еще? Смуглая кожа, высокая грудь, иссиня-черные волосы... Женщина была обнажена и совершенно беспомощна. И изуродована его, Чжао-цзы, чарами. Сросшиеся ноги, вросшие в бока руки – такое никому не добавит красоты. Зато магия держала сейчас чужеземку крепче самых надежных пут.

– Твой супруг, которого ты не любишь и который также не испытывает большой любви к тебе, очень осторожен, колдунья, – обратился к ней Чжао-цзы. – Но хватит ли у него хитрости, чтобы перехитрить «лесных демонов»?

Пленница не ответила. Не могла. Трудно отвечать, когда язык намертво прирос к гортани. Да и ханьских наречий варварка из далеких западных земель не понимала. Но мысли чародеев не нуждаются в переводе.

– Ты ведь тоже была хитра и осторожна. А помогло ли это тебе?

И снова Чжао-цзы не дождался ответа. Только ощутил волну ненависти, окатившую его с ног до головы. Чужеземка дернулась всем телом – так дергается недобитая змея. Попыталась плюнуть, но только испачкала себе подбородок слюной.

Чи-жоу-туань! Жалкая грудa сырого красного мяса...

Чжао-цзы скривился. Он представил, как должно быть, мучительно для этой колдуньи лежать возле источников великой силы и не иметь возможности ею воспользоваться. Что ж, пусть помучается. Сговорчивее будет.

Потом. Когда придет время...

* * *

– Твое колдовство не удалось, урус? – прищурил свои и без того узкие глазки Огадай.

Кочевник первым пришел в себя, когда магическое пламя, обратившее бесерменское оружие в прах, опало и исчезло без следа.

Угрим метнул на него раздраженный взгляд.

– Мое колдовство удалось, хан. Я узнал, куда следует тянуть Темную Тропу. Вот только мой... наш общий враг теперь тоже знает многое.

Тимофей насторожился.

– Объясните, князь, – потребовал Феодорлих. Единственный глаз императора пристально смотрел на Угрима.

– А чего тут объяснять! – обычно сдержанный Угрим был вне себя от бешенства. – Маг с желтым лицом не случайно оставил свои заговоренные вещи на месте стычки.

Вот как? Тимофей покосился на потемневший камень, где еще пару минут назад лежали бесерменские диковинки.

– Думаю, при желании он смог бы прихватить их вместе с Черными Костями и Ариной, – продолжал князь, – однако не стал этого делать. Он специально подкинул трофеи мне. Чтобы я взял их с собой.

«Интересно, зачем?» – подумал Тимофей.

– Зачем? – озвучил его невысказанный вопрос император.

– Через эти вещи не только я мог наблюдать за колдуном, которому они принадлежали, но и он – за мной, – хмуро ответил Угрим. – И наблюдать, и подслушивать. Иногда магические следы ведут в разные стороны. Есть особые заклинания...

– Что ему известно? – перебил Огадай. Хан встревожился. – Что знает этот колдун с желтым лицом и в зеленом плаще?

Князь пожал плечами:

– Он слышал наш разговор. Он знает, кто ему противостоит и где мы находимся. Он видел, какими силами мы располагаем.

Тимофей глянул вниз. Да, отсюда, со стен крепости сейчас вся их армия, как на ладони.

– Боюсь, он успел получить о нас больше сведений, чем я о нем, – подытожил Угрим.

И замолчал.

– И что это значит, князь? – нахмурился Феодорлих.

– Это значит, что времени у нас еще меньше, чем я думал. Нужно атаковать сейчас же, иначе будет поздно. Пусть авангард выступает немедленно. Я открою Тропу. Чем быстрее мы завяжем битву, тем меньше оставим противнику возможностей использовать против нас то, что он уже успел узнать. Внезапность и стремительность – вот все, что мы можем противопоставить его осведомленности.

– А если это снова ловушка? – быстро спросил Феодорлих.

– Да, если нашего удара ждут? – поддержал императора Огадай. – Тогда что, урус?

– Скорее всего, так и есть, – неожиданно спокойно ответил Угрим. От такого спокойствия Тимофея аж покорило. – Скорее всего, ждут. Но я должен знать точно, кто и что именно нас ждет. А этого не понять до тех пор, пока кто-то не пройдет по Тропе.

– И пока кто-то на Тропе не погибнет? – вставил хан, гневно блеснув глазами.

– Я ведь не гоню в этот бой вас двоих, – скривил губы Угрим. – И я не иду в этот бой сам. Тимофей поморщился. Ну конечно... Князя, императоры и хана, как правило, посылают на верную смерть других.

– Я же сказал: в атаку пока пойдет только авангардный отряд, – продолжал Угрим. – И чем скорее вы отдадите приказ, тем будет лучше. Или...

Князь нахмурился.

– Или, может быть, вы хотите, чтобы враг нанес удар первым?

Когда император и хан удалились каждый к своим военачальникам, Угрим улыбнулся.

Тимофей непонимающе смотрел на князя. Чему радоваться-то? Волхв будто прочел его мысли. Или, правда, прочел? Угрим ведь умел и такое.

– Иногда даже вражескую хитрость можно обратить себе на пользу, – услышал Тимофей довольный голос князя. – Если эта хитрость помогает управлять нерешительными союзниками.

* * *

Чжао-цзы отвернулся от извивавшейся у его ног женщины. Колдунья из западных земель, конечно, важна, но пусть пока она подождет. Сейчас имелись более насущные дела. Следовало подготовиться к встрече гостей...

Уж теперь-то гости заявятся скоро. Теперь они могли прийти в любой момент. Но не с любой стороны. Гости, конечно же, придут с Запада.

Чжао-цзы огляделся. Он стоял на широкой башенной площадке. Именно сюда вывела его Тропа Диюйя, по которой пришлось отступить после стычки с иноземным магом-горбуном. Именно здесь, как и было оговорено заранее, ждали своего учителя верные «лесные демоны».

Сейчас Чжао-цзы оставил на башне только четверых линь гуй. Больше ему было не нужно. Собственно, он мог бы и вовсе обойтись без помощников. Но так все же будет лучше. Надежнее...

Двое «демонов», вооруженных фэй-цзинь-лун-чжа – летающими когтями золотого дракона, укрылись за каменными зубцами башни. Оба – тренированные метатели когтей. Оружия, предназначенного не для того, чтобы убивать, а чтобы пленять.

Взгляд Чжао-цзы придиричиво скользнул по покачивающимся в руках линь гуй стальным «кошкам». От заостренных крючьев с подвижными сочленениями, действительно, напоминавших когтистые драконьи лапы, тянулись плетенные шелковые шнуры. Длинные, легкие, но крепкие веревки аккуратными кольцами уложены у ног метателей. Концы веревок привязаны к башенным зубцам.

При натяжении шнуров летающие когти сжимаются и вцепляются в жертву мертвой хваткой. С помощью фэй-цзинь-лун-чжа удалось поймать даже колдунью западного края. Правда, на крючья, которыми «демоны» Чжао-цзы ловили ведьму, было наложено сильное заклятье. А на эти – нет. Эти когти нужны для поимки обычного пленника.

Еще двое линь гуй молчаливыми истуканами стояли в центре башенной площадки – возле большого ячеистого короба на деревянной подставке. Специальные рычаги позволяли быстро поворачивать массивную конструкцию в любом направлении и устанавливать ее под нужным углом.

Бамбуковые планки, оструганные дощечки, плетенные ивовые прутья, плотная бумага... Чем-то короб напоминал пчелиные соты. Всего сот – десять раз по десять. И каждая сота занята.

Из короба ровными рядами торчали наконечники длинных огненных стрел-хоцзян. Под каждым наконечником крепилась бамбуковая трубка с мелким хорошо утрамбованным ингридиентом огня хуо-яо или, как называют его варвары, громовым порошком, сила которого метает стрелы дальше, чем тетива самого мощного лука.

Полые трубки были также начинены бумажными свертками ядовитого дыма ду-яо-янь-цю. Отравляющая смесь, спрятанная в этих пакетиках, при горении способна удушить человека в считанные мгновения.

«Сто плюющихся огнем и дымом леопардов» – так именовалась грозная стрелометная установка. Само по себе это было страшное оружие. А уж когда при ней стоит опытный маг... И если у этого мага есть Кости Силы.

Чжао-цзы возлагал большие надежды на огненных леопардов, до поры до времени мирно дремлющих в своих норах. Но, конечно же, не только на них. И даже не столько на них, сколько...

Он глянул по сторонам. Вправо и влево, покуда хватало глаз, тянулась Великая Стена.

Сложенная из камня и утрамбованной до прочности камня глины, облицованная снаружи хорошо подогнанными друг к другу плитами, укрепленная мощными башнями, стоящими на одинаковом расстоянии друг от друга, Стена повторяла все изгибы и складки местности. Равнины она пересекала прямой, как копеечное древко, линией и прихотливо извивалась по горным хребтам и берегам рек.

Стена рассекала мир надвое. По ту сторону от нее лежали безжизненные песчаные пустыни, сухие степи и холодные предгорья, которыми владели кочевники. Еще дальше тянулись враждебные западные земли, населенные чужими и чуждыми народами.

По эту – раскинулись богатые и обжитые просторы Поднебесной империи. Некогда могущественной, великой и непобедимой, а ныне ослабевшей и раздробленной на отдельные царства, не знающие мира, покоя и единого хозяина. Пока не знающие.

Но скоро уже, очень скоро все должно измениться. Чжао-цзы желал этого и верил в это. Над башнями Великой Стены поднимались дымки сигнальных костров.

* * *

Движение у стен ассасинской крепости усилилось. Били барабаны, ревели трубы. Командиры рвали глотки, стараясь перекрычать друг друга. Войска кочевников и латинян в спешке заканчивали построение.

Из общей массы к разбитым воротам низаритской цитадели выдвинулся небольшой отряд монгольских стрелков и несколько десятков рыцарей.

Авангард был готов к бою.

– Пора открывать Тропу, – Угрим шагнул к лестнице.

«Странно, – подумал Тимофей, – чтобы открыть колдовской путь, князю вовсе ведь не обязательно спускаться с башни вниз самому».

– Возьми Кости и не отходи от меня ни на шаг, – не оборачиваясь, бросил ему Угрим. – Когда авангард войдет на Тропу, будешь стоять рядом.

Тимофей молча поднял колдовские кристаллы. Сказать по правде, новая служба нравилась ему все меньше и меньше. Да чего там – новая служба начинала его тяготить.

Почему? Он не смог бы внятно ответить на этот вопрос. Просто непривычно было в разгар битвы стоять за княжеской спиной, оберегая сверкающие камни с черной сердцевинкой. Неприятно было постоянно прикасаться к холодным самоцветам с мертвыми останками. Стыдно было осознавать, что кому-то скоро предстоит погибнуть ради того лишь, чтобы к одним Кошечевым Костям присоединились другие, и что ты так или иначе, но будешь к этому причастен. Ну и совсем скверно было от того, что уже невозможно ничего изменить.

Раньше он был послом, толмачом и воеводой. Раньше он работал головой и сражался мечом по воле князя и во благо княжества. Раньше он рад был служить Угриму Ищерскому. Теперь же радость уходила, словно вода из дырявой посуды. Что-то мешало теперь служить

как прежде – беззаговорочно, слепо, не задумываясь. Что-то, чего так просто не выразишь словами. Эх, самому бы понять что...

Да, он верен своему господину, как и прежде. Да, он готов жизнь положить за него. Но... Но князь слишком приблизил его и слишком много ему открыл. Он знает то, без чего было бы проще жить. И кем он стал в итоге? В самом деле, ну кто он сейчас при князе-волхве? Кто?! Носитель Черных Костей? Костеносец? Почетно, наверное, но отчего-то почет этот не греет душу.

– Ты человек, которому я доверяю, Тимофей, – князь, остановившись у лестницы, обернулся к нему. Князь пристально смотрел в глаза. – И который не жаждет большего, чем имеет. Вот ты кто.

«Опять мысли прочел, колдун», – догадался Тимофей. Проницательность седого князя-волхва порой пугала его больше, чем собственные сомнения.

– Таких людей в наше время мало, – продолжал между тем Угрим. – Таких уже почти не осталось. Поэтому ты на своем месте.

Тимофей вздохнул:

– Я на месте, на которое ты меня поставил, княже.

На месте костеносца...

Угрим вновь смерил его долгим пронзительным взглядом.

– И что с того? Ты поклялся служить мне во всем и всегда. Так исполняй же свою службу, Тимофей. Исполняй ее добросовестно, как и подобает верному слуге. И гони прочь дурные мысли. Тебе думать не о чем. Тебе это ни к чему. Дело слуги – выполнять приказы господина. Тогда будут довольны все – и господин, и слуга. Идем...

Они спустились к разбитым воротам ассасинской крепости.

Тимофей понял: князь хотел не только открыть Темную Тропу для других, но и оказаться поближе к ней. Угрим желал, не вступая на Тропу, видеть все, что будет на ней происходить. И – за Тропой тоже.

* * *

Великая Стена радовала глаза и душу. Чжао-цзы улыбался, оглядывая неприступную твердыню, протянувшуюся от горизонта до горизонта.

Честолюбивые и осторожные императоры веками возводили, достраивали и перестраивали Стену в надежде уберечь свои владения от набегов воинственных кочевников. Но сейчас Стена должна была противостоять другой угрозе.

И она могла ей противостоять!

Десятки, нет – сотни тысяч, миллионы людей, погибших или казненных во время ее строительства, были вмурованы в Стену¹. Изменники, преступники, дезертиры, плененные враги, дерзкие колдуны и простые рабочие. Веками всех их хоронили стоя, под звуки заклинаний, чтобы мертвецы вместе с живыми вечно охраняли рубежи империи. Опытный маг, знающий к чему прислушиваться, и сейчас слышит сквозь камни стоны замурованных. Ибо никто, ничто и никогда не умирает полностью и до конца.

Многие поколения придворных чародеев крепили Стену колдовством, о котором теперь никто не помнит. Зато всем хорошо известно, что смерть – самый лучший кирпич, а человеческая кровь – самый крепкий раствор.

¹ По некоторым данным, за время строительства сложного комплекса укреплений, возводимых в разные времена разными правителями и ограждавших Китай от набегов кочевников, погибло и было вмуровано в кладку до двух миллионов человек. Возможно, в реальности число погибших было еще больше. Впрочем, Стену, о которой идет речь в романе, не следует напрямую отождествлять с Великой Китайской Стеной.

Стена была насквозь пропитана кровью и смертью. И болью, и отчаянием, и страданием. И, что самое важное – Силой. Мертвой силой Диюйя. Силой, которую можно взять и можно использовать. Если знаешь как. Чжао-цзы знал. Он был посвящен во многие тайны. И в тайну Стены тоже.

По большому счету, Великая Стена являлась великим кладбищем, а на кладбищах магическая сила, причерпнутая из мира мертвых, преумножается. Но главное даже не это. Некогда в Стену был вмурован кристалл с Костью Яньвана, хранивший Поднебесную от бед. Кристалл пролежал в кладке не один век. Не два и не десять. Много больше. И до того, как его похитили, он отдал Стене немалую часть своей силы.

Чжао-цзы перевел взгляд на магические кристаллы. Эти древние артефакты тоже несли в себе мертвую силу. И если совместить ее с силой Стены...

Он провел над кристаллами руками. Прошептал заклинание. Стена охотно приняла Кости Яньвана. Кристаллы наполовину погрузились в выложенный плитами пол башни. Кости Силы слились со Стеной, став ее частью. Тьма Диюйя, вмурованная в кладку вместе с мертвецами ушедших веков, и князь мертвых Яньван сегодня воссоединялись в Великой Стене.

Испуганно дернулась колдунья, лежавшая между кристаллами. Однако то, что происходило, ее не касалось. Пока.

Чжао-цзы был доволен. Теперь Стена не только преградит путь вражеской армии, идущей обычными дорогами, но и обрежет чужие колдовские Тропы, протянутые через чертоги смерти. Обрежет и повернет их туда, куда нужно поворачивать.

А два кристалла на Стене смогут противостоять трем. И, быть может, даже четырем.

Во всяком случае, количество кристаллов будет уже решать не все. Многое будет зависеть от искусства участников предстоящей битвы. От магического и боевого искусства. От хитрости и смекалки. От дерзости и смелости.

И от размера армий, разумеется, тоже. И от состояния боевого духа. Чжао-цзы знал, что войско противника, с которым скоро придется драться за Кости Силы, было измотано и обескровлено штурмом далекой горной твердыни. Его же войска свежи и готовы к бою. Главное, успеть их вовремя собрать.

Он уже занимался этим. Он занялся этим сразу же, как только оказался здесь.

Внизу, под Стеной, зиял черный зев Тропы Диюйя. С Тропы выдвигались отряд за отрядом. Выезжали всадники, выходила пехота. Огромные повозки вывозили разобранные металлические машины и многоярусные кораба, предназначенные для пуска огненных стрел.

– Учитель! – на башенную площадку взбежал молодой воин. Очередной гонец снизу. – Лю-вэй привел своих людей. Тысяча всадников, две тысячи пехотинцев. Лю-вэй шлет поклон и слова преданности.

Чжао-цзы кивнул. Три тысячи воинов – это немного для той битвы, которая ему предстоит. Но это ведь лишь один из ручейков, стекающих под Стену.

– Пусть Лю-вэй занимает участок между Башней Второго Красного Дракона и Утесом Смерти, – приказал Чжао-цзы. – Пусть ставит пехоту наверх, а конницу – возле Стены.

Взмах рук. Слова заклинания. Одна Тропа закрылась. Открылась другая. Таиться больше не было смысла. Прятать свое могущество от других магов – тоже. Жаль, конечно, что одному магу не под силу открывать и удерживать по несколько Троп сразу. Но ничего. Пути Диюйя, протягиваемые поочередно в разные концы Поднебесной, тоже способны собрать немалую армию.

Скоро из мерцающей тьмы выйдут новые воины. Много воинов... Настало время менять историю.

Чжао-цзы глянул на пленницу. Ты не была достаточно терпелива, колдунья западного края. Поэтому ты проиграла. Чтобы добиться желаемого, нужно уметь ждать. Нужно подкрадываться к цели, как кошка, нужно долгое время довольствоваться малым. Нужно брать свое

незаметно, понемногу, по чуть-чуть. По крохотным кусочком. Чтобы однажды взять все. Рассказать тебе, как я шел к власти, колдунья?

Чжао-цзы улыбался. Чжао-цзы вспоминал.

К этому готовились долго. Годы. Десятки лет. «Лесные демоны» тайно внедряли своих людей при дворах князей и императоров. Лучших воины и стратеги линь гуй становились советниками и помощниками императорских генералов.

Чжао-цзы осторожно и неторопливо осуществлял свой давний план. Цель была одна: мягко, ненавязчиво взять в свои руки бразды правления войсками разных царств, чтобы однажды...

Это «однажды» постепенно приближалось. Действуя где магией, где хитростью, где подкупом и устрашением, а где – просто устранением неудобных, ненужных и лишних людей, «лесные демоны» становились во главе крупных отрядов и целых армий разрозненных враждующих царств. Всячески демонстрируя преданность своим императорам, князьям и военачальникам, порой даже воюя по их воле между собой, на самом деле они были верны лишь одному человеку и ждали только его приказа.

И вот время пришло. Приказ поступил. Когда владеешь магией и когда магия подкреплена древними артефактами, силу которых больше нет нужды скрывать, приказы можно отдавать мгновенно, на любые расстояния, любому количеству людей.

И можно не только отдавать приказы.

Чжао-цзы снова и снова открывал Тропы Дийюя. Линь гуй тысячами уводили чужих воинов к Великой Стене. Которая тоже давно уже находилась под контролем «демонов».

Власть в Поднебесной менялась. Но чтобы взять власть не только над народами по эту сторону Стены, но и над всем миром, и чтобы владеть миром вечно, нужно было выиграть битву под Стеной. Самую важную битву.

Глава 2

Угрим открыл колдовской путь у ворот ассасинской крепости. Что ж, знакомая картина... Зияющая дыра черного ничто, слабо подсвеченная изнутри разноцветными колдовскими искрами, была подобна ненасытной пасти.

Раньше Тимофей входил в эту пасть сам. Теперь, стоя возле князя, наблюдал, как на Темную Тропу вступают другие.

Мимо двигался передовой отряд. В первых рядах ехал Бельгутаи. Татарский хан поставил верного нойона во главе своих воинов. Вероятно, так было нужно, чтобы вдохновить остальных. Необходимая, вынужденная жертва...

Бельгутаи покосился на Тимофея. Тимофей отвел глаза. Когда он вновь посмотрел перед собой, Бельгутая уже не было.

Выстроившись плотной колонной, касаясь друг друга стремями и позвякивая латами, молчаливые всадники с сосредоточенными лицами въезжали на Темную Тропу, словно во врата преисподней. Въезжали – и сразу же растворялись во мраке.

Рыцари Феодорлиха и ханские стрелки двигались смешанным строем. И так, наверное, правильно, если не знаешь точно, что ждет с той стороны, с каким врагом придется иметь дело и какую тактику избрать на выходе с Тропы.

Латиняне держали в руках обнаженные мечи, татары накладывали на луки стрелы. Угрим, Феодорлих и Огадай смотрели на исчезающих в темноте всадников как на смертников. Интересно, а чувствуют ли сами воины авангарда, что посланы на убой? Должны хотя бы догадываться, что ли... Или не должны?

Им было приказано вступить в битву на той стороне Тропы и держать оборону до подхода главных сил. Но насколько понимал Тимофей, пускать в бой главные силы Угрим пока не собирался. Ищерский князь просто хотел узнать, насколько силен окажется враг.

Кони фыркали и упирались. Но шпоры вонзались в бока. Жесткие удила рвали рты. Опытные всадники заставляли животных идти во тьму.

Князь-вохв, император и хан стояли у самого края Тропы. Император и хан просто стояли. Угрим что-то бормотал, водил руками над Черными Костями и, прикрыв глаза, к чему-то прислушивался. Или во что-то вглядывался. Если возможно вглядываться с закрытыми веками. Впрочем, для опытного мага, наверное, возможно и не такое.

На Тропу въезжали все новые и новые всадники. Полог колдовского мрака поглощал людей и коней. Невнятным монотонным и убаюкивающим речитативом звучали заклинания Угрима. Звучали, звучали...

Князь вдруг резко, на полуслове-полувыдохе оборвал волшбу. Широко распахнул глаза.

Тимофей насторожился. Тропа ничем, вроде бы, не угрожала. Однако в глазах Угрима читалась тревога.

– Что там, урус? – подался вперед Огадай.

Хан тоже заметил!

– В сторону! – сдавленно бросил Угрим.

Руки князя, простертые над Черными Костями, откатали кристаллы подальше от зева Тропы. Сам Угрим отступил вслед за колдовскими артефактами. И уже стоя поодаль выписал руками по воздуху сложный волховской знак.

Темная прореха в воздухе начала затягиваться.

Тимофей, привыкший в подобных делах доверять князю, выполнил приказ незамедлительно, отступил за Угримом, прикрывая щитом и его, и себя.

Огадай и Феодорлих тоже решили не испытывать судьбу. Оба отскочили от Тропы с проворством не подобающим ни великому хану, ни императору.

Всадники авангарда, не успевшие въехать на Тропу, натянули поводья и повернули коней...

* * *

Оглушающая могильная тишина, навалившаяся сразу на входе, не отпускала. В густой тьме завораживающе мерцали разноцветные искры. Время текло вяло и медленно, как жирный кумыс. Тропа влекла вперед и прямо, прямо и вперед.

Бельгутаи гнал страхи прочь. Да, на Тропе было неуютно. Да, впереди ждала неизвестность. Да, ему очень не нравилось, как смотрели им вслед хан, император и коназ-шаман. И еще меньше понравилось то, как отвел взгляд Тумфи – толмач и нукер урусского коназа.

Но у него был приказ пройти по колдовскому пути самому и провести за собой воинов хана.

Тесный коридор с черными колышущимися сводами, мягкими стенами и пружинящим полом заканчивался. Тьма впереди рассеивалась, выходящая перед глазами разноцветные огоньки тускнели.

Бельгутаи видел сквозь чародейскую дымку выход с Тропы. Колдовская дорога выводила на открытую смотровую площадку незнакомой башни. Уже можно было различить и часть примыкавшей к башне стены с широким, укрытым за зубчатым гребнем, проходом.

Защитников на башне было немного. Два невысоких желтолицых воина в длинных, обшитых металлическими бляхами, халатах торопливо разворачивают к Тропе какой-то массивный короб на деревянной подставке. Еще двое выглядывают из-за каменных зубцов, что-то раскручивая в воздухе.

Кто такие? Вроде бы похожи на выходцев из восточных ханских земель. Хотя кто их знает...

Чуть в стороне застыла фигура в зеленом плаще и круглой островерхой шляпе, напоминавшей небольшой щит. Перед этим – пятым – защитником башни поблескивали два магических кристалла, наполовину вмурованных в боевую площадку и лежала женщина без рук и с ногами, приросшими одна к другой.

«Колдунья! – догадался Бельгутаи. – Заколдованная колдунья! Жена-ведьма урусского коназа».

Человек в зеленом плаще не шевелился и молча смотрел на Тропу. Рты чужеземцев, возившихся у квадратного короба, были открыты, но их крики сюда не долетали. На Темной Тропе вообще не было слышно ни звука. Как, впрочем, всегда.

В ватной тишине тонули и боевые кличи атакующих, и стук копыт, и...

Бельгутаи поднял руку и дал знак. Пригнулся к конской гриве, чтобы сзади ненароком не задела свои.

Монгольские лучники из передних рядов выпустили первые стрелы...

И опять: не слышно не звяканья тетивы, ни свиста оперенной смерти. Странно все это и непривычно.

Да и сами стрелы летели неестественно медленно. Не быстрее, во всяком случае, чем двигались по колдовскому пути всадники.

Казалось, победа будет легкой. Еще миг-другой... еще пара мгновений... По меркам Тропы, конечно. Еще совсем чуть-чуть – и все закончится. И почти беззащитная башня будет захвачена.

Неподвижная фигура в зеленом плаще ожила. Взмах руками, разрубающий воздух. И, похоже, не только его...

Солнечный свет отразился от кристаллов у ног зеленого. Бельгутаю показалось, будто башня вздрогнула, и колыхнулась стена, прилегающая к ней. Хотя, возможно, картину исказило мерцающее марево, все еще стелющееся перед глазами.

Тропа дернулась, как живая. Дернулась и... оборвалась. Раньше, чем должна была закончиться.

Последний отрезок колдовского пути был колдовством же и рассеян. В мгновение ока исчезли черные подвижные своды и стены чародейского коридора. Под лошадиными копытами растаял мягкий пол. Окончательно рассеялась тьма и погасли освещавшие ее разноцветные всполохи.

Шум ударил в уши. Ветер – в лицо.

Тишина взорвалась людскими криками, конским ржанием, звоном железа...

Бельгутаю успел увидеть бесконечную стену с башнями справа и слева от себя. Но удивиться уже не успел.

Передовые всадники очутились в воздухе на высоте башенных зубцов, но в паре десятке шагов от них.

Закованные в сталь рыцари Феодорлиха и легковооруженные лучники Огадая вывалились с оборвавшейся Тропы. Выпущенные ранее стрелы вылетели вместе с ними. Люди и кони по инерции пролетели расстояние до башни, однако попали не на верхнюю ее площадку, а ударились о глухую кладку нижних ярусов.

Конь Бельгутаю в последний момент оттолкнулся от края Тропы, но, утратив опору под ногами, тоже не сумел донести всадника до защитных зубцов.

Долгий прыжок. Полет. Пустота. Падение...

Вперед и вниз.

Мысли ускорились, время, наоборот, замедлились, чувства обострились до предела. Так, говорят, бывает перед смертью. А смерть – вот она!

Бельгутаю увидел, как стремительно приближается стена. Понял: противника на башне никак не достать. И оставалось только одно: расшибиться о прочную кладку, рухнуть вниз и...

Вот сейчас – удар о стену. Потом – падение под стену. И – сломанная шея. И – переломанные руки-ноги. И те, кого Тропа выплюнет вслед за ним – стальной лавиной обрушатся сверху. Сомнут, раздавят, добьют.

И все. И конец.

Но прежде чем Бельгутаю налетел на башню, что-то звякнуло о доспех. Сдернуло с коня. Увлекло вверх.

Ноги выскользнули из стремян. Седло ушло вниз. Повод резанул по пальцам и вырвался из ладони.

Будто чьи-то сильные и бесцеремонные руки подхватили его в полете.

А впрочем, нет, никакие это были не руки, а цепкие стальные лапы на веревках, брошенные с башни. Подвижные пальцы-крючья, скрежетнули по зеркалу и наплечникам, подцепили снизу панцирные пластины, пронзили толстую кожу куйака, вспороли подоспешник, больно кольнули кожу, подхватили за подмышки...

Его выдернуло из седла чудное оружие вроде того, которое сжег своим колдовством урусский коназ-шаман.

Выдернуть-то оно его выдернуло, но столкновения со стеной все равно избежать не удалось.

Где-то внизу в кладку ударился конь. А затем и сам Бельгутаю, впечатался в башню, словно раскачанный на цепях таран.

Он едва успел сгруппироваться и прикрыться и щитом. Стена сильно ударила в щит, налокотники, наколенники и шлем. От сотрясения чуть не вышибло дух.

А может, и вышибло. На время. Но если он и потерял сознание, то ненадолго.

Что было гораздо хуже – он выронил саблю.

Бельгутаи висел на веревках, упершись помятым налобником шлема в каменную кладку. В голове гудело. Тело саднило. Сзади и снизу доносились крики, грохот и звон железа.

Он стряхнул с ноющей левой руки расколотый щит. Правой чуть оттолкнулся от стены. Оглянулся.

Темная Тропа все еще открыта. Ее зев зияет перед башней – прямо в воздухе. Только какая-то она не такая. Не привычная. Порванная, какая-то. Сейчас Тропа походила на возникшую из ниоткуда черную воронку с загнутыми вовне краями. А еще – на жерло смерча, нагнувшегося над землей.

Края воронки дергались и пульсировали, словно рассеченная артерия. С Тропы сочилась и рассеивалась в ярком солнечном свете темнота, подсвеченная мечущимися разноцветными искорками. И все падали, падали всадники...

Выброшенные с колдовского пути, они кувыркались, будто диковинные снаряды, летели вперед и вниз, бились в башенную стену под ногами Бельгутаи. Осыпались живым грохочущим и орущим камнепадом в облаке пыли, выбитых из кладки осколков и в фонтанах кровавых брызг.

На уже упавших обрушивались, ломая ноги, руки, хребты и шеи, все новые и новые конные воины. У подножия башни росло месиво из людей, лошадей и железа. Уцелеть там, внизу будет непросто.

Бельгутаи скрежетнул зубами. Да, сам он избежал смерти, но и его положение было незавидным. Вздернутый под самыми башенными зубцами, он висел, подобно бурдюку с кумысом. Острые крючья вонзились в доспех, и разжиматься стальные когти не собирались. Поднимать наверх его тоже пока никто не спешил.

Если его хотели пленить, то это удалось. Горько и обидно было осознавать свою беспомощность. А впрочем, так ли уж он беспомощен?

Бельгутаи потянулся к рукояти засапожного ножа. Хутуг, торчавший за правым голенищем – это не сабля, конечно, но лучше, чем ничего. Ножом можно перерезать веревки и избежать позорного плена. А можно...

Бельгутаи вложил короткий клинок в зубы. Вцепился руками в веревки. Ногами уперся в неровную кладку. Его не спешат поднимать наверх? Что ж, тем неожиданней будет его появление, когда он поднимется туда сам.

* * *

Вражеские стрелы все же достигли башенной площадки. И хотя их было немного – не больше дюжины, били они довольно метко. Сразу три или четыре стрелы устремились к Чжао-цзы и пленной колдунье у его ног, но маг отмахнулся от них, как от надоедливой мошки, и стрелы ушли в сторону.

Зато чужие лучники сразили всех помощников Чжао-цзы. Двое были убиты наповал, еще двое – тяжело раненные – корчились на каменных плитах. Впрочем, «лесные демоны» свое дело уже сделали. Они выполнили его приказ и отвлекли на себя вражеских стрелков.

Ставить полноценный колдовской щит над башней Чжао-цзы не стал. Не счел необходимым. Сейчас он использовал всю свою силу, силу Стены и силу магических кристаллов для другого.

Действовать приходилось одной рукой.левой. Пока растопыренная ладонь правой удерживала срезанную Тропу Дийюя, чтобы вражеский колдун не сумел ее закрыть.

А он старался, очень старался: Чжао-цзы ощущал, как с той стороны останавливают движение колдовского пути и пытаются захлопнуть Тропу.

Но сто «огненных леопардов» уже смотрели в ее срез. Почти в самую середину... Мда, почти... Пронзенные вражескими стрелами линь гуй все же не успели до конца повернуть тяжелую конструкцию стреломета. Что ж, не беда.

Плавным пассом Чжао-цзы немного подправил самострельную установку. Массивный короб, скрежетнув деревянными рычагами о плиты перекрытия, сдвинулся чуть правее. Вот так совсем хорошо! Сотня стрел с огненной начинкой теперь нацелена точно в центр разверстой воронки. Мимо не пролетит ни одна. Оставалась самая малость...

Ни костра, ни горящего факела на башне не было. Но опытный маг всегда добудет огонь и разведет его там, где нужно.

Легкое движение кисти – и в одно мгновение вспыхнули все сто фитилей.

«Огненные леопарды» изготовились к прыжку. Вот сейчас бешеная сотня с рыком вырвется из своих нор и растерзает любого, кто окажется на пути.

Славный будет залп! Если повезет, если вражеский колдун на той стороне окажется достаточно близко к Тропе Дийюя, война может на этом закончиться.

Короткие (в такой битве слишком дорого обходится каждый миг промедления) затратные фитили сгорели быстро. Массивный короб с направляющими трубками вздрогнул. Из верхнего ряда бамбуковых жерл ударила тугая струя огня и дыма, оставив на камне широкий след жирной копоти. Если бы сзади стояли люди, их попросту смело бы с башни огненной метлой.

Первая партия «леопардов» рванулась вперед. Резким пассом свободной руки Чжао-цзы подтолкнул стрелы-хоцзян, придавая им энергию, которая поможет лететь против Тропы.

Еще один залп! Вслед за первой вырвалась вторая группа «леопардов». И почти сразу же за ней – третья. И еще, и следующая, и опять...

С ревом, шипением и свистом стаи «леопардов» неслись в черную воронку, из которой все сыпались люди, кони и стрелы.

Вот шальная стрела сбила в прыжке-полете одного из «леопардов». Видимо, попала в оперенный хвостовик и изменила траекторию движения. Поврежденная стрела-хоцзян резко ушла в сторону от воронки, закрутилась зигзагом, взмыла в небо, оставляя за собой густой дымный след. Взорвалась где-то высоко-высоко, запятнав облака огненной пылью.

Зато остальные девяносто девять «леопардов» устремились туда, куда были посланы. Все девяносто девять сгнули во тьме. Шипение и свист оборвались. Воронкообразный срез отсекал любые звуки.

Больше из бреши в воздухе не вываливался никто. Бешеный натиск хоцзян, несущих в себе огонь и мощный магический заряд, повернул движение чужой Тропы вспять.

Плотный неохотно рассеивающийся дым медленно-медленно относил в сторону.

Чжао-цзы улыбался, прикрыв глаза-щелки. Огненные «леопарды» были сейчас его глазами. Дымные хвосты связывали его с хоцзян.

Чжао-цзы видел, как стрелы ударили в людей и коней, толпившихся в колдовском проходе. Массивные наконечники проламывали доспехи и разрывали плоть, раскалывали щиты, отсекали головы и конечности, сносили с седел всадников и валили с ног обезумевших лошадей. Все происходило в полной тишине. «Леопарды» на Тропе Дийюя охотились беззвучно.

И безжалостно.

Одни стрелы, намертво застревали в месиве из железа и плоти, дергались, словно в агонии, яростно плевались огнем и дымом, и взрывались, будучи не в силах больше лететь дальше. Другие, металась, вращались туго закрученными дымными спиралями, пробивались сквозь завалы людских и конских тел, царапали колышущиеся черные стены и своды. Но, не увязали в них, а лишь ускоряли движение, и стремительно неслись дальше, дальше...

Огненные стрелы оставляли позади себя растерзанные трупы и фонтаны крови, которую жадно впитывала Тропа. Хоцзян заполняли тесный проход густым смрадным дымом и те, кому

удавалось увернуться от их наконечников, все равно погибали от удушья. Колдовские искры Тропы, мешаясь с дымом и кровью, светили все ярче и кружились в безумной пляске.

Но пучки дымящихся снарядов быстро редели, сбивались и рассеивались. Одни стрелы вырывались вперед, другие отставали. Огненных «леопардов», пробивавшихся к выходу с Тропы, становилось все меньше, однако они при этом становились все злее.

* * *

Что именно выплюнула безмолвная Тропа, Тимофей смог понять не сразу.

Было устрашающее шипение. Был грохот. А потом...

Крысий потрох! С колдовского пути вывалилось что-то бесформенное, громыхающее железом, брызжащее кровью и искрами, пышущее зловонным дымом. Какое-то переплетение...

Угрим взмахнул рукой и выкрикнул заклинание. Станный клубок замер на месте.

Да, так и есть – переплетение тел. Конь, рыцарь Феодорлиха и нукер Огадая. Два человека и лошадиная туша были нанизаны на одну стрелу – длинную, как копьё. Под массивным гра-ненным наконечником на треть окровавленного древка топорщи-лась полая деревянная трубка. Из трубки вырывалось пламя. За стрелой тянулся густой шлейф дыма и пучок чьих-то кишок, намотанных за оперение из тонких медных пластин.

Огненная стрела-копье, остановленная волшбой Угрима, сотрясалась в воздухе, словно тща-сь сбросить свой груз. Древко аж изгибалось под воздействием чар, удерживавших его на месте. Наколотые на стрелу трупы и жеребец дергались в чудовищном пляске смерти.

«Это ж какую силищу нужно иметь, чтобы выпихнуть с Тропы такое?!» – поразился Тимофей.

Впрочем, у ищерского князя-волхва силы оказалось поболее. Раз уж стрела все еще висит на месте. И если даже дымный хвост, связывающий ее с Тропой, не спешит рассеиваться.

А впрочем, нет! Стрела уже не просто висит!

Стрела взрывалась! Прямо на глазах Тимофея. Точнее, не сама стрела. Полая трубка, прикрепленная к ней.

И, вернее, не совсем взрывалась. Не так, по крайней мере, как рвутся татарские громовые шары.

Этот взрыв происходил медленно-медленно. Опять какие-то колдовские штучки со временем, – понял Тимофей. Что ж, князь это умеет. И очень хорошо, что умеет! Если бы не незримая колдовская хватка, стиснувшая стрелу, сейчас была бы яркая мощная вспышка. И вспышка эта, скорее всего, оказалась бы последним, что увидел бы в своей жизни Тимофей. Да и не он один, пожалуй.

А так...

Тимофей видел, как лопается деревянная трубка. Как высвобожденная сила ломает древко и начинает рвать в клочья, нанизанные на него человеческие тела и конскую тушу. Нет, для такого одного громового зелья мало. Тут, наверняка, замешана еще и чужая магия. И при-том, магия мощная.

Угрим сумел только растянуть взрыв во времени, но не остановить его.

Там, где в воздухе висела стрела, теперь появился дымный шар с огненным ядром. Мед-ленно-медленно разлетались, словно расплывались по воздуху, куски тел и фрагменты доспе-хов.

Дымный шар раздувался, рос, ширился.

После штурма горной крепости, Тимофей знал, насколько опасным может быть дым, если к нему приложено колдовство, а потому поспешно отшагнул назад.

Конный нукер Огадая, оказавшийся ближе всех к дымному разрыву, сделать этого не успел. Кочевник развернул коня и поднял щит, надеясь прикрыться, но дымное облако уже коснулось его. Всадник вместе с лошадыо рухнули замертво.

Угрим продолжал творить волшбу. Еще один взмах княжеской руки сбил и дым, и огонь и даже шлейф, тянувшийся за стрелой от Тропы. Будто ладонь невидимого великана отбросила обратно на колдовской путь ту гадость, которую принесла с собой стрела-копье. Куски двух разорванных бедолаг и лошадиной туши кровавыми ошметками посыпались на землю.

Невнятное бормотание. Новый магический пасс – уже двумя руками... Быстрое движение княжеских ладоней от Черных Костей – к Тропе. Угрим словно возвел перед прорехой в пространстве незримую стену.

И как вовремя!

С Тропы сунулась, было, вторая стрела. Уткнулась наконечником в прозрачную преграду. Чуть сдвинула ее. Замерла.

И еще одна стрела. И еще...

Собственно, самих стрел, уже видно не было. Не было видно даже трубок, прикрепленных к древкам. Только граненые окровавленные наконечники торчали из мрака Темной Тропы, усеянного магическими светляками.

Угрим ударил перед собой раскрытыми ладонями. Вдавил на Тропу прогнувшуюся колдовскую защиту. Наконечники исчезли. Тимофею почудилось, будто где-то среди колдовских искорок беззвучно полыхнули три или четыре вспышки. Во тьме стали различимы белесые прожилки.

«Почему князь просто не закроев Тропу!» – недоумевал Тимофей.

Объяснений этому могло быть два. Либо, кто-то с той стороны мешал этому. Либо Угриму самому еще нужен был этот путь.

– Тимофей! – чуть слышно процедил Угрим. – Бери Кости... Иди за мной...

Лоб князя покрылся испариной. Глаза сверкали. Губы быстро-быстро шевелились.

Волшба продолжалась.

Тимофей бросил щит, подхватил три княжеских кристалла.

Угрим упершись во что-то ладонями, шагнул к Тропе. Он с явным усилием толкал впереди себя незримый щит, поставленный против огненных стрел.

Как же так? Тимофей растеряно обернулся. Сзади нервно переглядывались Огадай и Феодорлих. Всадники, так и не успевшие войти на Тропу, едва удерживали перепуганных коней. Неужели Угрим пойдет по колдовскому пути без подмоги?

– Тимофей!

Других помощников князь-волхв с собой не звал. Тимофей поспешил за ним.

Утешало одно. Этот путь был открыт Угримом. Значит, его магия имеет здесь преимущество перед вражеской. А уж если к ней присовокупить силу трех Черных Костей. Вряд ли новый противник глуп настолько, чтобы атаковать князя на Тропе.

Однако и самому Угриму, наверное, не стоит пока покидать свою Тропу.

«Куда мы, княже?» – на Темных Тропах царит вечная тишина и общаться здесь можно только так – мыслью, а не словом.

«Хочу увидеть сам, – раздалось в голове Тимофея. – Хочу понять. Все хочу понять, до конца».

* * *

Казалось, само Великое Синее Небо-Тэнгри разверзлось над его головой. Грохот, рев, шипение, вой и свист. Огненные молнии, вырвавшиеся из-за башенных зубцов и потянувшие за собой густые дымные шлейфы... Десятки искрящихся, пылающих и дико, словно ночные

демоны-мангусы, завывающих огней, влетали в черный воронкообразный зев Тропы и исчезали во мраке.

Это было так неожиданно, так громко и так жутко, что Бельгутаи едва не выронил зажатый в зубах кинжал и чуть не выпустил веревки, по которым карабкался вверх. К счастью, не произошло ни того, ни другого.

А через несколько мгновений все закончилось. Только густой дым, словно облачный мост, клубился между башней и зияющей в воздухе Темной Тропой.

Что это было? Магия?

Бельгутаи ощутил знакомый запах.

Или ханьский громовой порошок?

Или магия, смешанная с громовым порошком? А впрочем, неважно! Ему-то какая разница?! Главное для него сейчас – во что бы то ни стало забраться вверх. Оставалось-то уже совсем ничего.

Бельгутаи быстро преодолел последний отрезок пути. Перемахнул через крепостные зубцы. Перехватил нож в руку.

Вся башенная площадка была застлана вонючим дымом. Ну точно, здесь не обошлось без громовой смеси.

Нога наткнулась на что-то мягкое. Труп! Невысокий воин с желтым лицом. Стрела в правой глазнице. Рука, вцепившаяся в веревку, один конец которой привязан к каменному зубцу, а другой – тянется к стальным когтям на панцире Бельгутаи. Вот, значит, кто поймал его на крючок...

Немного левее лежит второй защитник башни. Этот тоже, судя по всему, успел метнуть в Бельгутаю свою железную «кошку», но сам при этом попал под стрелу. Третий и четвертый распластались возле дымящегося короба в центре башни.

Двое были мертвы. Двое других умирали. Их раны – тяжелые, смертельные, и этих противников можно было не опасаться. Но сквозь дымную пелену Бельгутаи уже разглядел пятого защитника башни. Ни его самого, ни обнаженную колдунью, лежавшую у его ног, стрелы даже не оцарапали.

Колдунья, похоже, колдовать не могла, а вот пленивший ее чародей... Запахнутый зеленый плащ, широкая коническая шляпа, надвинутая на желтое лицо... Он вновь стоял неподвижно, прикрыв глаза. Ничего вокруг себя не замечал и к чему-то прислушивался.

Но явно не к шагам Бельгутаи.

Такое состояние бывает у шаманов, целиком и полностью поглощенных камланием. Но как долго оно продлится?

Не отрывая взгляда от неподвижного противника, Бельгутаи расцепил стальные когти, впившиеся в доспехи, и осторожно положил их на плиты. Затем сделал шаг к человеку в зеленом плаще. И еще один шаг.

Он крался тихо, как кошка. Он почти подкрался.

Бельгутаи поднял нож и уже приготовился к прыжку, когда кто-то вцепился ему в ногу. Быстрый взгляд вниз... Проклятье! Его держал смертельно раненный защитник башни. И откуда только силы взялись?!

Умиравший что-то прохрипел.

Пришлось наклониться и добить его ножом. Хрип оборвался.

Но человек в круглой шляпе и зеленом плаще уже открыл глаза. Улыбаясь, он смотрел на Бельгутаю.

Бельгутаи ринулся вперед.

* * *

– Учитель! Враг!

Его предупредили вовремя. Линь гуй даже на пороге смерти оставались верными своему учителю и господину.

Чжао-цзы удивился. Варвар-кочевник, которого его «демоны» поймали при помощи метательных когтей фэй-цзинь-лун-чжа, оказался крепок и проворен. После удара о стену он пришел в себя раньше, чем рассчитывал Чжао-цзы, и умудрился даже самостоятельно подняться наверх. Кроме того, при нем был нож. И кочевник, как выяснялось, умел им пользоваться.

Молниеносным ударом чужак пронзил шею раненного «демона», который пытался остановить чужака.

Что ж, никогда не стоит недооценивать вражеских воинов.

Тем более, что этот кочевник, явно, был не из рядовых бойцов. Скорее всего, сотник, тысячник, или, быть может, целый князь-ван. Летающие когти золотого дракона сдернули с седла всадника, скакавшего впереди и увлекавшего за собой остальных. Такой пленник может обладать ценными сведениями.

Хорошая добыча. Полезная. Чжао-цзы мысленно поблагодарил мертвых уже метателей когтей.

Легкое движение кисти. Варвара, кинувшегося, было, в атаку, отбросила назад волна сгустившегося воздуха. Чжао-цзы провел пальцем невидимую черту через кинжал в руке чужеземцы – и короткий чуть изогнутый клинок, со звоном откололся от костяной рукояти.

А пока обезоруженный противник пребывает в растерянности – заключительный взмах рукой. Веревки фэй-цзинь-лун-чжа, лежавшие позади чужака, ожили, свились в силки и петли, вновь поймали свою жертву стальными когтями, туго натянулись...

Ну, вот и все! Не понадобилось даже тратить силы на парализующее заклятие. Легкая волшба обмотала веревки вокруг кочевника и двух башенных зубцов. Беспомощный пленник повис в проеме между ними, словно гигантская личинка шелкопряда.

Чжао-цзы подошел к чужеземцу.

Заглянул в глаза.

Задал первый вопрос...

«Кто твой господин?»

И – второй...

«Кто является союзником твоего господина?»

И – третий...

«Что умеет колдун, отправивший вас сюда?»

Для безмолвной речи не нужны слова и посредники-толмачи, она льется напрямую, из глаз в глаза, из разума в разум. Чжао-цзы знал, как сделать ее понятной. И как сделать так, чтобы получить честные ответы на все свои вопросы.

Чжао-цзы получал их, избегая лжи и недомолвок. Пленник отвечал, потому что попросту не мог иначе. Он не был магом, способным противостоять колдовству Чжао-цзы. Зато он, действительно, обладал кое-какой информацией.

Чжао-цзы пытался все, что чужак знал о Костях Силы. Особенно его интересовало тулово Яньвана. Допрос, впрочем, длился недолго. Договорить до конца им не дали.

Глава 3

Такой Темную Тропу Тимофей еще не видел. Угрим шел впереди, двигая перед собой незримый чародейский щит, а за щитом князя-волхва...

За щитом вповалку лежали изуродованные огненными стрелами мертвецы. Кони и люди. Текли кровавые ручьи, впитываемые колышущимися стенами и полом. Густой дым, мешался с мраком Тропы. Снопы искрящегося пламени беззвучно били из застрявших в трупах стрел – пламени настолько яркого, что приходила мысль о сильной, очень сильной магии, способной поддерживать такое горение.

Маленькие разноцветные огоньки, указывавшие путь по колдовской дороге, уже напитались кровью. Огоньки кружились и метались, как безумные. Их дикая пульсация мешалась со всполохами пламени.

А из тьмы и плотной дымной пелены вылетали все новые и новые стрелы-копья с дымными хвостами. Но, наткнувшись на Угримову преграду, стрелы зависали в воздухе, бессильно брызжа огнем и дымом, вязли в колдовском щите. Взрывались.

Вот одна яркая бесшумная вспышка. Вторая. Третья...

Взрывы, впрочем, не причиняли вреда. Магический щит, подпитываемый силой Черных Костей, хорошо держал удары. За щит не пролетал ни единый осколок, не проскальзывала ни одна искорка, не просачивалась ни струйка дыма.

Зато по ту сторону щита дымные клубы становились все гуще. Но наступавший Угрим уверенно выдавливал с Тропы дым, огонь и чужую магию. Тимофей с колдовскими кристаллами шел позади князя. Хотя, может быть, это сама Тропа заставляла его идти, не отставая от Угрима?

Они шагали по телам павших воинов, для которых колдовской путь станет теперь братской могилой. Взбесившиеся разноцветные огоньки за их спинами успокаивались и прекращали мельтешение. Тропа узнавала и принимала своего хозяина. Тропа очищалась от чужих чар, восстанавливала свое первоначальное движение, несла вперед. Вперед...

Огненные стрелы-копья больше не били в щит Угрима. Тесный проход очистился от дыма и огня. Тропа закончилась. Как-то уж очень неожиданно. Тимофею показалось – неожиданно даже для Угрима.

Князь взмахнул руками. Их движение и движение Тропы прекратилось. Сила колдовского пути удержала Тимофея на полушаге. И вовремя.

Нет, это не выход! Темная Тропа выворачивалась наружу широким пульсирующим оком. Что-то тут было не то. Что-то было не так.

Тимофей выглянул из-за плеча Угрима...

Ветер постепенно рассеивал выдавленные с Тропы клубы дыма, и уже можно было кое-что разглядеть.

Тропа обрывалась в воздухе, на изрядной высоте. С такой грохнуться – переломаешь все кости.

Напротив возвышалась массивная квадратная башня. Судя по всему, Угрим протянул свой колдовской путь к ее верхней площадке. Но почему-то не дотянул.

Почему? Пока трудно сказать: верхние ярусы еще закрывал дым.

Зато под башней и под Тропой дыма не было. Внизу громоздились завалы из людей и коней. Рыцари Феодорлиха, воины Огадая... Впечатление такое, будто всадники рвались к башне, но не смогли ни добраться до нее, ни вовремя остановиться. Так и рухнули вниз, на головы друг другу.

С прымаквающих к башне стен летели стрелы. Лучники добивали тех, кто еще копошился внизу.

Несколько стрел устремилось и на Тропу. Но вскинутая рука князя отбросила их в сторону.

Что это за крепость? Тимофей глянул по сторонам. И не поверил собственным глазам.

Это была не крепость. Это была сплошная стена, укрепленная приземистыми башнями. Стена тянулась от горизонта до горизонта. На просторных башенных площадках горели костры. На широких стенных пролетах между ними стояли воины в незнакомых доспехах и с диковинным оружием в руках.

Чьи это воины? Неужели все они служат...

Руки Угрима снова пришли в движение. Тимофей не слышал заклинаний, да и не смог услышать их на Тропе. Но и так было понятно, что князь опять творил волшебство.

Плотный сгусток дыма, закрывавший верхнюю часть башни, разошелся, словно рваная холстина.

Посреди башни дымилась странная утыканная татарскими стрелами конструкция на широкой подставке. Она напомнила Тимофею осиное гнездо с пустыми пожженными сотами.

Возле дырявого короба скорчились два человека в чудных длинных одеждах. Еще двое лежали возле зубчатого забора. Один – висел между башенных зубцов, опутанный веревками, словно жертва гигантского паука – паутиной.

«Бельгутаи!» – узнал висевшего Тимофей.

Кажется, нойон был жив.

Рядом с Бельгутаем стоял еще один человек. И что-то, похожее на человека лишь отдаленно, лежало в стороне. Женщина? Да, это было обнаженное женское тело, стиснутое и измененное чудовищными магическими заклятиями. Гречанка-ворожея это была. Арина! А тот, кто стоит сейчас перед Бельгутаем...

Крысий потрох! Да ведь это же он! Тот самый! Желтолицый бесермен в зеленом плаще и круглой островерхой шляпе, похитивший Кошечевы Кости и бывшую ищерскую княгиню в придачу. Или бесермен, очень похожий на него. Да нет же, точно он: вон и кристаллы с Костями – при нем, здесь же, на башне, весело поблескивают и искрятся в солнечных лучах. Колдовские самоцветы были то ли вмурованы, то ли вбиты в каменные плиты перекрытия.

Стрелы со стен все еще летели к Тропе. Но защита князя-вохва легко отклоняла обычные стрелы. А что, если полетят необычные?

Мгновение – не больше – бесермен и Угрим смотрели друг на друга. И оба нанесли удар почти одновременно.

Два мага вскинули руки.

Две ветвистые, добела раскаленные молнии полыхнули с башни и из Тропы. Молнии с шипением рассекли воздух над крепостными зубцами и наткнулись друг на дружку, будто вилы. Сплелись, воедино.

Не погасли. Запылали ярче, наливаясь багровым, с просинью светом. Бешено извиваясь, словно клубок многоголовых змей, молнии давили и ломали одна другую.

Видимо, Угримова все же оказалась сильнее. Постепенно оттесняя вражеские чары, волшебство князя тянулось к башне. Трепещущая молния бесермена, наоборот, теряла силу, истаяла и вращалась обратно в руки своего создателя.

Еще немного – и ветвистое колдовство Угрима перевалит через защитные зубцы, хлынет на башенную площадку. Сожжет! Испепелит!

Ан нет, не хлынуло!

Едва достигнув зубчатого забора и коснувшись кладки стены, сверкающая паутина чародейских молний брызнула в стороны.

Рассыпалась.

Погасла.

Угрим покачнулся так, что Тимофею пришлось подставить князю плечо.

В ослепительной вспышке полыхнули огнем и порвались наброшенные на Бельгутая путы. Кочевник не удержался наверху и упал с башни.

Угрим взмахнул руками...

Новая княжеская волшба удержала нойона у самой земли. Бельгутай не рухнул в груды мертвых коней и всадников под стеной. Нелепо перекувыркнувшись в воздухе, он летел уже не вниз, а вверх. И чуть наискось. Словно мир перевернулся и теперь не земля, а Тропа притягивала упавшего с башни человека.

Притянула... Бельгутай ударился об упругий свод колдовского пути, рухнул на пружинящий пол.

Тимофей покосился на князя. Это не было похоже на Угрима. В последнее время тот редко кого спасал просто так, если не видел в этом пользы. Наверное, Бельгутай для чего-то нужен князю.

Нойон выдрал из доспехов крюки-когти («знакомая конструкция!» – отметил про себя Тимофей) с тлеющими обрывками веревок и выбросил их с Тропы.

А заморский чародей на башне уже стряхивал с пальцев сияние ослабших чар и поднимал руки для нового удара.

«Держи кристаллы!» – услышал Тимофей безмолвный приказ князя.

Вообще-то, он и так держал самоцветы крепко, прекрасно понимая, что именно из них Угрим сейчас черпает силу. Но теперь Тимофей и вовсе вцепился в Черные Кости мертвой хваткой.

Князь опередил противника на долю мгновения. Тот только-только начинал рубить руками воздух, когда Угрим резко выбросил перед собой ладони.

Словно отталкивая от себя что-то. Или отталкиваясь сам. Тимофей почувствовал, как его повлекло назад, вглубь Тропы. Будто кто-то дернул за шиворот. Угрим тоже отпрянул от башни.

Что-то волокло вместе с ними и Бельгутая.

Тропа втянула в себя всех троих.

Что это было? Отступление? Позорное бегство?

Увы, не так-то просто оказалось сбежать. Даже по Темной Тропе.

Вот только что перед ними был стремительно удлиняющийся коридор, в конце которого едва виднелся проблеск удаляющегося солнечного света. И – р-р-раз – Тропа вздрогнула, всколыхнулась.

И коридора впереди не стало. Черные стены, своды и потолок рассыпались. Темнота навших дорог растеклась и рассеялась в ярком солнечном свете. Поблекли и исчезли колдовские искорки.

Тимофей, Угрим и Бельгутай вновь оказались у края Тропы. Только теперь башню, на которой остался противник, и зияющую воронку с загнутыми краями разделяло расстояние в два-три полета стрелы.

Бесерменский маг нанес удар по Тропе! И каким-то образом умудрился срезать ее часть. Не отступи князь вовремя и не отбрось назад Тимофея с Бельгутаем, вражья волшба, наверное, смяла бы вместе с Тропой и их.

Что-то давало этому желтолицему власть над чужими Тропами. Вот почему пущенный по Тропе отряд не смог добраться до башни.

Еще один скачек назад. И еще часть черного коридора впереди исчезла, словно отгрызенная невидимыми зубами. Но на этот раз – лишь малая его часть. Стена сильно отдалилась. Ее уже почти не различить.

И еще скачек. И еще... Просвета в черном коридоре больше не было. Тропа продолжала уносить их назад. Колдовской путь больше не рассеивался. Проклятая бесерменская магия была сильна, но не всеильна. Разрушить всю Тропу Угрима она не могла.

* * *

Враг ушел. Успел уйти. Сумел отбить пленника и сам увернулся от удара...

Далеко-далеко за Стеной еще виднелась маленькая черная точка. Надрезанный колдовской путь смыкался. Вывернутая воронка Тропы Диюйя сжималась и втягивалась сама в себя. Сквозная рана в ткани мироздания зарастала.

И с этим Чжао-цзы ничего поделать не мог. Достать противника на таком расстоянии было уже невозможно.

Чжао-цзы вздохнул.

Он разрушил выход с Тропы Диюйя. Но дальше его власть над дорогой, проложенной чужими чарами, заканчивалась. Дальше Великая Стена не поможет. А силы двух магических кристаллов и его собственной силы будет недостаточно для того, чтобы крушить мертвые пути колдуна-иноземца.

Чжао-цзы задумчиво смотрел вдаль. Хорошо, конечно, что благодаря Стене, он способен обрубать Тропы Диюйя на таком расстоянии. Но плохо, что теперь врагу известно, насколько далеко действует защитная магия Великой Стены.

Хотя с другой стороны... Он ведь тоже узнал кое-что о силе и возможностях противника. Пробная стычка, в которой победа осталась за ним, показала, что на Стене можно отбиться от сильного врага, владеющему тремя Костями Яньвана.

Можно даже обратить врага в бегство.

И все же это была только пробная стычка. Чжао-цзы вздохнул. Да, пока враг отступил. Но скоро он придет снова. И приведет за собой всю свою армию. Армию, которой нужно что-то противопоставить.

Чжао-цзы оглянулся назад. С его Тропы выходили новые отряды. Тысячи воинов строились под Стеной, тысячи – поднимались на Стену.

По башенной лестнице снова взбежал гонец.

– Учитель, прибыла конная гвардия генерала Дунь, – прозвучал доклад. – Три тысячи всадников.

– Пусть строятся у Башни Серебряной Луны, – распорядился Чжао-цзы.

Двумя взмахами руки он закрыл Тропу, перенесшую конницу Дуня и открыл на ее месте новую.

К Великой Стене еще должны были подойти несколько отрядов из разных концов Поднебесной. Его Тропам Стена не мешала. Он был хозяином Стены, он управлял накопленной в ней силой. И все же...

Перед мысленным взором Чжао-цзы вновь возникла недавняя картина. На краю черной воронки стоит чужак-колдун из западных варварских земель. Его чары теснят и прижимают к Стене ветвистую молнию боевых заклинаний Чжао-цзы.

Он снова ощутил мощь чужой магии. Малейшая ошибка – и такая мощь раздавит человека как букашку. Любого человека, даже его.

«Силен, – вынужден был признать Чжао-цзы. – Враг очень силен. Силен, как дьявол-гуйцзы. Чтобы одолеть такого противника, нужно использовать любое преимущество».

«Ну что, демон, ты по-прежнему считаешь, что сможешь выиграть эту войну без моей помощи?» – неожиданно сбило его с мысли чужое вмешательство.

Чжао-цзы усмехнулся. Пленная колдунья подала голос. Ведьма или подслушала его размышления, или – что вероятнее – почувствовала его сомнения.

Собственно, это был и не голос, как таковой. Язык колдуньи прирос к гортани, и пленница не смогла бы произнести вслух ни слова. Это была безмолвная и понятная им обоим

магическая речь. Чародеи разных народов, в отличие от простых смертных, умеют общаться без толмачей и без ненужного сотрясения воздуха.

«Нет, я так не считаю, – ответил Чжао-цзы, глядя на полонянку сверху вниз. – Без тебя я могу и не выиграть войну. Мне, действительно, нужна твоя помощь. И ты мне поможешь».

«Мы снова начинаем торг? – Пленница вывернула голову, стараясь поймать его взгляд. – И что же я получу, если выступлю на твоей стороне?»

Тело колдуньи, сковавшее само себя, нелепо, по-змеиному изогнулось и напряглось. Чжао-цзы скользнул насмешливым взглядом по рукам, вросшим в бока, по ногам, сросшимся одна с другой. Спросил:

«А разве я тебе что-то предлагаю?»

«А разве тебе не нужен союз со мной?»

«Мне нужны твои знания, твоя память и... – он помедлил, – и твоя сила».

Да, она тоже лишней не будет.

Пленница вымученно улыбнулась.

«Демон, мы ведь уже обсуждали это. Ты смог пленить меня, но тебе не удастся взять то, чего я не пожелаю отдавать. Я не откроюсь тебе, если не захочу».

«Откроешься», – Чжао-цзы склонился над пленницей и широко улыбнулся.

Белые зубы на желтом лице, глаза-щелочки. Такие улыбки не предвещают ничего хорошего. Такие улыбки пугают.

«Пусть не мне, но ты все равно отдашь то, что знаешь и что умеешь, колдунья. И случиться это быстрее, чем ты думаешь».

* * *

– Все дело в Стене, – хмуро произнес Угрим.

И замолчал.

Огадай и Феодорлих озадачено переглянулись. Тимофей недоуменно смотрел на князя.

Бельгута с ними уже не было: нойона отослали к ханской свите. Едва выйдя с Тропы и закрыв за собой колдовской путь, Угрим первым делом тщательно осмотрел Бельгутая. Не обнаружив на нем следов опасного колдовства, князь долго говорил с татаринном и внимательно всматривался в глаза нойона, стараясь понять, о чем успел расспросить того чужой маг, что хотел выведать и как намеревался использовать полученные сведения. Видимо, только ради этого Угрим и спас Бельгутаю жизнь. Князь вытянул из кочевника все, что мог, но не выглядел удовлетворенным. Разгадать планы противника ему не удалось.

Наверное, поэтому Угрим не спешил прокладывать новую Темную Тропу. Пока он объяснял ситуацию союзникам. И, возможно, осмысливал ее сам.

– В Стене все дело, – повторил князь. И умолк опять.

Пауза затягивалась.

– При чем тут стена, урус? – пробормотал Огадай.

– Это очень длинная стена, – отозвался Угрим.

– Мои нукеры брали штурмом разные стены, – пожал плечами хан. – И неважно было, какой они длинны и какой высоты!

– Ее построили в восточных землях, – продолжал князь, не обращая внимания на слова Огадая. – И она не похожа на прочие стены. Она тянется от горизонта до горизонта.

Огадай прищурился:

– Погоди, коназ! Я знаю, о чем ты говоришь! Это Длинная Стена народа хань. Но я никогда не слышал о том, чтобы она была неприступной.

– Хань? – задумчиво пробормотал Угрим. – Значит, Стену обороняет ханьский колдун...

Хань? Ханьский? Тимофей мысленно попробовал на языке незнакомое слово. Раньше он о таком народе не слышал.

– Какая разница, кто ее обороняет? – раздраженно брызнул слюной Огадай. – Эту стену уже преодолевали наши тумены.

– Преодолевали потому, что ее не защищал по-настоящему сильный маг, – процедил Угрим. – Маг, у которого есть две Черных Кости. И который умеет использовать силу Стены по своему усмотрению.

– Не понимаю! – прорычал хан. – Какая у стены может быть сила? Как простая стена может помочь колдуну или шаману, коназ?

Угрим вздохнул:

– Не простая, хан, в том-то и дело, что не простая. Длинная Стена ханьцев стоит на костях.

Огадай потрянул головой:

– На каких еще костях?

– На человеческих, – ответил Угрим. – В стену вмурованы мертвецы, над которыми проведены особые обряды. Древние ритуалы пропитали мертвой силой камни, глину, землю и воздух в Стене, под ней и вокруг нее. Эта сила хранит Длинную Стену и защищает ее. Она позволяет обрезать Темные Тропы, которые тянутся к Стене.

– Это всего лишь стена! – упрямо прохрипел хан.

– Но если на нее восходит опытный маг, владеющий к тому же двумя Костями, Стена становится чертой, непреодолимой даже для колдовских дорог.

– Такую Стену невозможно построить быстро, – негромко заметил молчавший до сих пор Феодорлих.

– Ее и не строили быстро, – невесело усмехнулся Угрим. – Ее возводили веками. И за это время в нее вмуровали сотни тысяч людей.

– Сотни тысяч? – недоверчиво нахмурился Огадай. – Десятки туменов?

– Десятки десятков, – уточнил Угрим.

– Столько народу трудно даже собрать в одном месте! – воскликнул хан. – Не то что убить!

– Время и смерть собирают и не такие полчища, – пожал плечами Угрим. – Просто на нашей памяти никто еще не использовал скрытую в Стене силу. А сейчас ее пробудили. Сейчас у Стены появился хозяин.

Огадай и Феодорлих обменялись многозначительными взглядами и молча отступили в сторону. Зашептались между собой, едва не касаясь друг друга головами.

Император и хан совещаются? Ну-ну... Тимофей мысленно улыбнулся. Небось, воображают, что, понизив голос, смогут скрыть свои разговоры от волхва. Что ж, если им от этого будет легче...

Угрим с легкой усмешкой наблюдал за союзниками. Тимофей сохранял серьезное выражение лица. Толмачу не пристало скалиться над ханами и императорами. Но все же... Кто бы подумал, что эти двое недавно были заклятыми врагами. Да и остаются, по большому счету, таковыми сейчас. Просто выгодный союз иногда очень сближает. На время, конечно.

Тимофей воспользовался паузой в разговоре.

– Все настолько серьезно, княже? – чуть слышно спросил он. – Эта стена, действительно, неприступна?

Угрим вздохнул:

– Ничего неприступного в этом мире пока не создано. – Он особенно выделил слово «пока». Ну да, пока шесть Кощеевых Костей не собраны под единой рукой. – Скажу так, Тимофей...

Князь помолчал немного, затем продолжил:

– Раньше я не сталкивался с подобной волшбой и подобными заклинаниями.

Тимофей был озадачен. Прежде Угрим казался ему если не всемогущим волхвом, то уж, по крайней мере, всеведущим.

– Боюсь, в Стену вложена часть исконной Кошечей магии, – продолжал князь. – Не удивлюсь, если ее начал возводить один из Шестерых. Тот, кто служил Кошеей, и кто обманул своего господина. И кто кое-чему у него научился. Да, это вполне мог быть он или его ближайшие ученики.

Вот даже как! Тимофею сделалось не по себе. Ханьская Стена начинала его пугать.

* * *

«У тебя ничего не выйдет, демон!» – пленная колдунья скалилась ему в лицо. Кажется, она, в самом деле, не верила, что у него может получиться. Даже мысли такой не допускала. Ну что ж...

Чжао-цзы улыбнулся ей в ответ. Снова.

Она была по-своему забавна, эта молодая колдунья с нежной темной кожей, длинными иссиня-черными волосами и карими глазами, пылающими ненавистью. Ах, какие глаза! Женщины с такими глазами становятся страстными наложницами. Что ж, может быть, когда-нибудь он испытает пленницу и в этом качестве. Но пока она нужна для другого.

Чжао-цзы простер руки и произнес первые слова долгого сложного заклинания.

«Ты не сможешь открыть мои мысли, мою память и мою силу без моего согласия и без моей доброй воли! Ты не сможешь ни принудить меня, ни запугать. Ты изуродовал мое тело, но до того, что в нем скрыто, тебе не добраться. Моего последнего щита тебе не пробить».

Смешная... Какая, все-таки она смешная! Она думает, что он колдует над ней.

«Я уже была в плену. Я знаю, что способна выдержать. Мне нечего бояться!»

Кого она убеждает? Себя или его? Нет, все-таки его. Сама она искренне верила в то, о чем говорила!

Чжао-цзы не прекращал волшбы.

«Глупая затея! Напрасный труд. – Надо же, она даже надсмехалась над ним! – Ты не первый. Меня уже пытались прочесть, как книгу, другие маги. По-разному пытались. Меня старались подчинить грубой силой и хитростью обвести вокруг пальца, меня окуривали сладким дурманящим дымом и хоронили в стране грез. Но я не книга. Ни у кого ничего не получилось. Почему же ты думаешь, что получится у тебя, демон?»

Так-так-так... Кажется, она преследовала еще одну цель: потоком безмолвной магической речи пленная колдунья надеялась сбить настрой и помешать его медитации. Только это ей не удастся. Вывести опытного мага из равновесия не менее сложно, чем проникнуть в самые сокровенный его тайны.

«Пока я сама того не пожелаю, я тебе не откроюсь, – снова звучали в его голове ее слова. – Пока жива, я не поддамся никому из смертных, живущих в этом мире».

Но вот уже и все... Почти все. Первая часть волшбы завершена. Заклинание было очень сложным, чародейство отняло много сил, и Чжао-цзы решил передохнуть.

«А кто тебе сказал, что тобой займусь я? – с ласковой улыбкой обратился он к пленнице. – Почему ты решила, что тебе вообще придется иметь дело с живыми? И отчего ты надеешься, что сама будешь жить?»

Ага... Кажется, она заподозрила неладное. Ведьма встревожилась, заволновалась.

«Что ты задумал, демон? Как ты хочешь получить от меня то, чего получить невозможно?»

«То, что мне нужно, получу не я, – ответил он. – Это получит Стена. А она послушна мне, и она передаст мне все, что возьмет у тебя».

«Стена?!» – колдунья еще не боялась по-настоящему. Пока она просто удивлялась. Потому что не понимала до конца, что ее ждет впереди. Что ж, можно просветить... Страх жертвы только облегчит предстоящую процедуру.

«Стена возьмет твою силу, Стена возьмет твои мысли, Стена возьмет твою память, Стена возьмет твою жизнь. Стена запечатает тебя в себе и постепенно высосет из тебя все, что ты пытаешься скрыть, – коротко и доступно объяснил Чжао-цзы. – Щит, которым ты ограждаешься, защищает от живых противников – таких как я. А Стена – мертва. И те, кто в ней – тоже мертвы. Давно».

«Кто в ней? – не поняла колдунья. – КТО В НЕЙ?!»

А вот теперь смутное беспокойство переросло в страх. И со страхом Чжао-цзы уловил нарастающее отчаяние пленницы.

«В Стене и ты сама не будешь жива, а значит, не способна будешь защищаться, – продолжал он. – Но ты не будешь там и мертва. А значит то, что нужно мне, не умрет вместе с тобой».

Он уже ощутил сухие холодные токи и кое-что еще, трудно передаваемое словами и образами, исходящее не от пленницы, а из каменной кладки под ней. Разбуженная древними заклинаниями великая сила Великой Стены тянулась к своей жертве.

Пленная колдунья тоже почувствовала. Испуганно дернулась всем телом. Вросшие в кладку Кристаллы Силы, между которых она лежала, засветились тусклым матовым светом.

«В Стене даже самые стойкие не выдержат долго, – спокойно закончил Чжао-цзы. – Стена сломает любого»

Он начал читать заключительную часть заклинания.

Заклинание долго начитывалось, но действовало быстро.

Женское тело с вросшими в бока руками и сросшимися ногами, тело, похожее на обрубок змеи или даже нет, скорее – на толстого червя с человеческой головой и высокой женской грудью отчаянно забилося на башенной площадке.

Но что оно могло сделать, это беспомощное тело? Что оно могло сделать сейчас?

Каменные плиты перекрытия под пленницей поплыли, прогнулись. Втянули колдунью в себя. Увлекли под башенные зубцы. Женщина-червь медленно-медленно погружалась в размякшую толстую кладку, словно увязала в болоте.

На лице колдуньи больше не было ярости. Лицо колдуньи теперь было перекошено от ужаса.

Чжао-цзы, расставив ноги, с улыбкой смотрел на тонущее в камне лицо.

«Ты не знала о такой магии, колдунья? – спросил он. – Неужели в книгах, которые ты читала, о ней не было сказано? Или ты не во всем верила своим книгам?»

«Вытащи меня!» – раздался в голове Чжао-цзы беззвучный вопль – «Спаси! Помоги!».

«Или мудрецам, писавшим эти книги, не ведомы были тайны Великой Стены? – спокойно продолжал Чжао-цзы. – Или твои книги писались уже после того, как была забыта магия Стены?»

«Прошу! Не делай этого! – взмолилась она. – Я открою тебе все! Сама!»

Похоже, уже началось. Ведьма в полной мере ощутила силу Великой Стены.

«Все? – с усмешкой переспросил Чжао-цзы. – Откроешь мне все?»

«Все, что захочешь! Умоляю...»

«Что захочу я? Или, может быть, только то, что захочешь открыть ты? Не лукавь, колдунья. Зачем мне твои полуоткровения, если скоро я буду знать о тебе и твоих тайнах больше, чем знаешь ты сама, и если вся твоя сила станет частью силы моей Стены?»

Исказившееся лицо скрылось в камне. Камень отсек безмолвные крики, снова застыл и обрел былую прочность.

Чжао-цзы поставил ногу на плиту, поглотившую пленницу.

Произнесено еще одно заклинание. Вычерчен в воздухе еще один магический знак... Через камень ему открылось, как Стена начинает потрошить колдунью. Утопленная в кладке пленница впадала в недомертвое-недоживое состояние. Перед ведьмой западных варваров наяву открывался кошмар Диюйя.

Великая Стена была сейчас как великая Тропа мертвых. Только Тропа, лишенная спасительных искр, которые прокладывают путь живым и оберегают их от беспросветного мрака. Мертвая суть слуг и стражей Стены, сотни и тысячи лет назад вмурованных в кладку, вытягивала жизнь и силу колдуньи и пыталась отщипывать кусочки из ее памяти.

Чжао-цзы отчетливо ощутил боль и ужас женщины. И холодную тьму Диюйя, стискивавшую ведьму в каменных объятиях. И вялость в мыслях и членах живой лишь наполовину пленницы. Он видел множество черных рук, тянущихся к ее голове и к ее плоти. Проникающих внутрь, копошащихся там, отдергивающихся и тянущихся снова, снова, снова... Ищущих. Находящих...

Магический щит колдуньи еще действовал, отгораживая ее от посягательств извне. Но такая защита хороша для живых и против живых. А когда тобой, беспомощным и полумертвым, занимается мертвая Стена, проку от него немного. Незримый щит уже начинал крошиться и разламываться.

Теперь оставалось только ждать. Чжао-цзы не знал точно, сколько сумеет продержаться в Стене колдунья, но был уверен, что не очень долго.

Конечно, потребуется некоторое время, чтобы окончательно сломить защиту упрямой полонянки. И за этим процессом отрадно было бы понаблюдать. Чжао-цзы не отказал бы себе в таком удовольствии, но сейчас у него имелись другие дела.

* * *

Феодорлих и Огадай, наконец, закончили совещаться. Тимофей, стоя возле Угрима, напряженно наблюдал за этой парочкой.

Вперед выступил латинянский император.

– Скажите, князь, ведь расстояния для Темных Троп не имеют значения, так?

– Так, – не стал спорить Угрим.

– Значит, двигаясь по Тропе, мы можем обогнуть ханьскую Стену, сколь бы длинной она не была, а затем...

– А зачем? – невежливо перебил его Угрим.

– Что? – не понял император. – Что «зачем»?

– Зачем нам ее огибать?

В разговор вмешался Огадай.

– Урус, ты же не можешь быть глупым настолько! – не выдержал хан. – Обойдя Длинную Стену, мы ударим по ханьцам с тыла. Или с двух сторон сразу.

Угрим покачал головой.

– Ничего не получится. Сила Стены пробуждена, и Стену охраняет колдун с двумя Черными Костями.

Феодорлих и Огадай молча ждали продолжения. Тимофей ждал тоже.

– Стена сильна сама по себе, – вновь заговорил Угрим. – Сильна сама по себе и каждая Кощеева Кость в отдельности. А мощь Стены и двух Костей, слившись воедино по воле опытного чародея, преумножаются многократно.

– И что с того? – осторожно спросил Феодорлих. – Объясни, князь, почему мы не можем просто обойти Длинную Стену?

– Да потому что так просто чужому колдовству извне за Стену теперь не попасть.

– Отчего же, урус? – нахмурил брови хан. – В чем секрет этой Стены?

Угрим вздохнул.

– Это не обычная линия укреплений. Стена поставлена только на одной границе, но ее незримая тень падает на все царства, лежащие за ней.

– Не понимаю! – тряхнул головой Огадай. – Я никак не могу понять, что ты хочешь сказать, коназ!

А вот Феодорлих притих и нахмурил лоб. Тимофею тоже казалось, будто он начинает понимать...

– Стена не только преграждает подступы к западным и северным рубежам ханьских земель, – принялся объяснять хану Угрим. – Ее силы хватает теперь, чтобы защитить все эти земли, чтобы отбросить от них чужие колдовские пути и повернуть вражеские армии. Ханьские царства отныне – закрытый мир, в который есть только один путь: через Стену. С какой бы стороны не были протянуты Темные Тропы, они все равно откроются перед Длинной Стеной. Откуда бы ни пришел враг, ему придется штурмовать Стену.

– Как сложно... – пробормотал Огадай. Хан заметно сник.

– Ничего сложного, – возразил князь. – Одолеть хозяина Стены можно лишь взойдя на Стену.

– И что нам остается? – взглянул на Угрима Феодорлих.

– То же, что мы и намеревались делать раньше, – пожал плечами Угрим. – Открывать Темную Тропу и перебрасывать воинов к Стене. Но только выводить их в отдалении от нее. На безопасном расстоянии собирать войска. Разбивать осадный лагерь. А потом – идти на штурм обычным путем.

– Хорошо, коназ, – Огадай задумчиво свел брови. – Ханьская Стена длинная. Чтобы оборонять ее всю, противнику нужно рассредоточить силы. Мы же ударим единым кулаком. Ударим туда, где не будет вражеского колдуна и где будет немного воинов. Вряд ли малочисленный гарнизон удержит Стену, пусть даже и укрепленную магией.

Угрим усмехнулся и покачал головой:

– По Стене расставлены дозоры. Да и сама она даст знать своему хозяину о нападении. Если ханьский колдун способен управлять силой Стены, значит, он сможет и слушать ее.

– Ну и что с того? – фыркнул Огадай. – Все равно быстро собрать всех своих воинов в нужном месте он не успеет.

– Успеет, – возразил Угрим. – Во-первых, хозяин Стены, в отличие от меня, сможет протягивать свои Тропы куда и когда угодно. Стена ему в этом не помеха. А во-вторых...

Князь вздохнул.

– Сама по себе Длинная Стена тоже является колдовским путем. Тот, кто пробудил и подчинил себе ее силу, сумеет перебрасывать любое количество воинов на любой ее участок.

– Как по Тропе? – не поверил хан.

– Как по Тропе, – кивнул Угрим. – И даже быстрее. Я видел Стену. По ней проедут, не мешая друг другу, две повозки или шесть-семь тяжеловооруженных всадников. Или пройдут десять пехотинцев, поставленных в ряд.

Все верно. Тимофей хорошо помнил, как выглядит ханьская Стена. Она как минимум вдвое шире Тропы. А значит, по ней, действительно, можно перемещать воинов быстрее и в большем количестве.

– Куда бы мы не ударили, нас всюду встретит сильный гарнизон и ханьский маг, – сказал князь.

И после недолгой паузы добавил:

– Легко не будет. Ханец силен. Воинов у него много. И, наверняка, пока мы разговариваем, к нему по Темным Тропам прибывает подкрепление.

Две или три секунды царило напряженное молчание.

Наконец, Феодорлих осторожно спросил:

– Мы сможем взять эту Стену, князь? После того, как положили столько народа под назаритской цитаделью...

Угрим вздохнул.

– Когда мы штурмовали крепость ассасинов, я объяснял, что в магической войне, как и в любой другой обороняться проще, чем нападать. Старца Горы мы атаковали, используя силу двух кристаллов. У него имелся только один. Но победа нам досталась дорого.

Тимофей огляделся. Да уж, дорого – не то слово. Подступы к бесерменской крепости были усеяны трупами. Горами трупов. Бесермены, латиняне, татары лежали вперемежку. Вряд ли всех мертвецов успеют похоронить. Вряд ли вообще это будут делать.

– Теперь придется иметь дело с еще более сильным противником, – продолжал Угрим. – У нас три кристалла, у него – два. Само по себе это уже хуже, чем два против одного. К тому же на его стороне сила Стены. И...

Угрим вздохнул.

– И не следует забывать, что Арина тоже сейчас на его стороне. Хотя пока и в качестве пленницы. Захочет ли она ему помогать, я не знаю. Михелю Шотте Арина помогала. А здесь...

Князь потер ладонью лоб.

– Я никак не могу понять, чего ханец на самом деле хочет от гречанки и не в моих силах предвидеть, на что согласиться она.

– Урус, не говори нам о том, как будет трудно, – насупился Огадай. – Тебя спросили о другом, Тебя спросили: сможем ли мы взять Длинную Стену штурмом? Ответь честно, как есть.

– Если я отвечу, что мы непременно победим, ты мне поверишь, хан?

Огадай смотрел на него угрюмо и зло.

– Сможем, коназ? Сможем или нет?

– Может быть, да, может быть, нет, – пожал плечами Угрим. – Я скажу другое: не штурмовать Стену мы уже не можем. Если хотим собрать все шесть Костей воедино. И если не хотим потерять свои магические кристаллы.

– Потерять? – удивился Феодорлих. – Даже так?

– Да, именно потерять. Если мы отступим сейчас, если оставим все, как есть, ханьский чародей рано или поздно попытается взять то, что ему не принадлежит.

– Полагаю, это будет непросто, – не очень уверенно пробормотал император.

– Но и не невозможно. Помнится, однажды воин, пришедший с востока, уже похитил Черную Кость из вашего замка. И это при том, что замок был хорошо укреплен и защищен. Защищен магическими заклинаниями Михеля Шотте в том числе.

Феодорлих поморщился, но промолчал.

– А если ханьский колдун завладеет хотя бы одной из этих Костей, – князь кивком указал на магические кристаллы, – и, тем более, двумя Костями...

Угрим выдержал эффектную паузу.

– Тогда уже нам с вами придется думать об обороне, а не о нападении. Так что, ваше величество, выбора нет. Сейчас я снова открою Тропу, а вы прикажите своим воинам вступить на нее. И будет лучше, если на этот раз вы вдохновите их собственным примером.

– То есть? – нахмурился император.

– То есть пойдете впереди своих рыцарей. Хан! – Угрим повернулся к Огадаю. – Это же касается и тебя.

– Надеюсь и ты, коназ, идешь с нами? – недружелюбно зыркнул из-под редких бровей кочевник.

– Разумеется, – кивнул князь. – Я иду. Без меня вам под ханьской Стеной делать нечего.

– Как и тебе без нас, не так ли, урус?

Угрим криво усмехнулся. Отвечать на вопрос Огадаю он не стал.

– Пусть воины возьмут лестницы и осадные щиты, – распорядился князь. – Они пригодятся при штурме.

Угрим шепнул заклинание. Хорошо знакомым уже Тимофею движением рубанул воздух перед собой ладонью. Крест-накрест...

Пространство впереди разорвалось. Новая Тропа, поблескивая из густого мрака разноцветными огоньками, манила и пугала одновременно.

– Тимофей, понесешь Кости, – приказал князь. – Не отставай.

Ну да, обычная работа для княжеского костеносца...

Они с князем первыми шагнули в искрящуюся тьму.

Глава 4

На этот раз Тропа вывела их не к самой Стене. Полоска бесерменских укреплений едва-едва угадывалась на горизонте. Длинная Стена тянулась по сухой песчаной равнине, уходила в холмистые предгорья и терялась где-то среди горных хребтов. Терялась, но не обрывалась.

С такого расстояния грандиозное сооружение казалось еще более впечатляющим. Тимофей в очередной раз поразился этому творению человеческих рук. Хотя только ли рук? Угрим намекнул, что в строительстве Стены могла быть использована сильная магия.

Местность была незнакомой. Не та, которую Тимофей уже видел с рассеченной Тропы. Но очень похожа на ту. Участок Стены, к которому Угрим протянул свой новый колдовской путь, тоже мало отличался от укреплений, под которыми приняли смерть воины авангарда.

Князь, еще на Тропе начавший творить боевую волшбу опустил руки. Тимофей тоже ослабился. Врага поблизости не было. Враг не решался далеко отходить от своей Стены, и заготовленные заранее смертоносные заклинания сейчас казались излишней предосторожностью.

Хотя... Наверное, в таких войнах ничего не бывает лишним.

За Угримом и Тимофеем с Тропы вышли Феодорлих и Огадай в окружении пеших телохранителей. Император встал справа от князя, Огадай – слева. Сразу за ними из черной брешы в пространстве хлынула тяжеловооруженная конница. Рыцари и нукеры выезжали смешанным потоком, однако беспорядка не было.

Едва выдвинувшись с Тропы, латиняне разворачивались вправо. Кочевники строились слева от Тропы.

Две армии быстро учились действовать слажено. Во всяком случае, они уже умели не мешать друг другу.

Разношерстый и разноязыкий кавалерийский строй быстро разрастался по флангам. Латиняно-татарское воинство, хоть и было изрядно потрепано в предыдущих боях, все же выглядело достаточно грозно.

На копейных банерах и рыцарских щитах пестрели цвета германских, британских, французских, бургундских, испанских, итальянских, датских, шведских, моравских, польских и угорских гербов. Колыхались на ветру помеченные черными, белыми и красными крестами плащи и штандарты тевтонов, ливонцев, госпитальеров и тамплиеров. Развевались разноцветные бунчуки и хвостатые знамена татарских сотников, тысячников и темников.

Светские рыцари, воины-монахи крестоносных орденов, конные оруженосцы, кнехты и арбалетчики выстраивали сплошную стену живых частоколов и клиньев с одной стороны Тропы. С другой становились изогнутой дугой закованные в пластинчатые латы нукеры и легкие стрелки на низкорослых степных лошадках.

Оружие было обнажено. В арбалетных ложах и на кибитях луков лежали стрелы. Латиняне и татары были готовы к бою. И те, и другие ждали нападения. Но далекая Стена безмолвствовала. Пока безмолвствовала.

От неизвестности и тягостного ожидания Тимофею было не по себе. Судя по всему, похожие ощущения испытывали и остальные.

– Они нас что, не видят? – Феодорлих, прищулив единственный глаз, напряженно вглядывался вдаль.

– Видят, – заверил его Угрим. – Со Стены далеко видно.

– Тогда почему не нападают? – проворчал Огадай, нервно озираясь вокруг. – Я бы непременно напал. Глупо не нападать на врага, который сам готовится к нападению.

– Мы слишком далеко от Стены, – ответил Угрим. – Здесь я не ощущаю ее силы. А выходить из-под защиты Стены и в открытую атаковать противника, у которого имеется три Черных Кости и немалая армия за спиной – безрассудство.

- Значит, мы можем собирать здесь войска? – Феодорлих вздохнул с явным облегчением.
- Этим мы сейчас и занимаемся, ваше величество, – усмехнулся Угрим.
- А что делают там, на Стене? – ткнул подбородком вперед Огадай.
- Тоже стягивают войска, – пожал плечами Угрим.
- Как думаешь, коназ, ханьский колдун уже здесь?
- Скорее всего, – кивнул Угрим.

Дальше разговор не клеился. Угрим, Феодорлих, Огадай и Тимофей молча смотрели на Длинную Стену. Стена смотрела на них. Время шло. И оставалось только ждать.

Ждали долго...

Вслед за конницей с Тропы выдвинулась пехота. Выходили и строились ровными рядами фряжские арбалетчики, щитonosцы и латники, английские лучники, швейцарские алебардщики и фламандские пикинеры. Бестолковой толпой валили кнехты, многочисленная прислуга и работный люд. Позади конных нукеров и стрелков Огадай становились татарские воины, потерявшие в боях коней и безлошадные бедняки-карачу.

Солнце садилось. Длинная Стена сливалась с линией горизонта.

С Тропы выезжал обоз. На повозки были уложены осадные щиты и лестницы, которые так и не пригодились при штурме низаритской крепости.

Тимофей скептически осмотрел лестницы. Небольшие, легкие, укороченные. С такими, конечно, проще управляться в тесных горных проходах и такие, пожалуй, достанут до зубчатого гребня ханьской Стены. Но что если...

– Княже, – негромко окликнул Угрима Тимофей. – Сможет ли бесерменский колдун поднять свою Стену так же высоко, как ты поднимал стены Острожца?

Если это возможно, проку от коротких лестниц не будет.

– Не поднимет, – уверенно ответил Угрим. – Даже если он знает, как это делается.

После недолгой паузы князь уточнил:

– Здесь, во всяком случае, этого точно не произойдет.

Почему? – Тимофей не успел задать вопрос. Князь поддел носком сапога песок под ногами. Легкое облачко мелкой пыли развеялось как дым.

– В этих недрах нет скал, которые можно вытянуть из земли. Скалы расположены дальше на север – в горах, а под нами только пыль и песок. Это ненадежный материал. Он не удержит Стену.

Ну что ж, теперь было понятно, почему Угрим открыл Тропу на песчаной равнине. Тимофей почувствовал некоторое облегчение. Однако князь поспешил его разочаровать.

– Стену выше, чем она есть, ханец не поднимет. Но думаю, для нас уже готовят другие сюрпризы, – сообщил Угрим, взглядываясь в далекую преграду.

* * *

О том, что противник уже появился под Стеной и начал подготовку к штурму, Чжао-цзы узнал раньше, чем на дальних северных башнях у линии горизонта зажглась цепочка сигнальных огней, и к небу потянулись столбы густого дыма.

Знал он и то, в каком именно месте вышел враг и по какому участку намеревается ударить. Обо всем этом Чжао-цзы сообщила Великая Стена.

Стена была самым надежным дозорным. С пробуждением древней силы, каждый ее кирпичик, каждый цунь² кладки, стал зорким глазом и чутким ухом. Стена видела и слышала далеко. Дальше даже, чем распространялось действие ее защитной магии. И при этом Великая Стена, пронизанная магическими токами и связанная вмурованной в глину и камни смертью,

² Китайская мера длины. 1 цунь равен 3,2 см.

была единым существом, каждая часть которого чувствовала, что творится на любой отдельно взятой башне, на стенном пролете между башнями, на ближних и дальних подступах к ним.

Тревожный сигнал Стены Чжао-цзы ощутил ногами, сквозь подошву сапог. Каменная плита, на которой он стоял, сообщила о появлении врага, как только в сотнях ли³ севернее открылась чужая Тропа Диюйя, и с Тропы вышел колдун западных варваров.

Но Чжао-цзы хотел все увидеть и услышать сам. Распластавшись на башенной площадке, он приник ухом к кладке и закрыл глаза, полностью доверившись слуху и зрению Стены.

Чжао-цзы заставил себя отвлечься от мук колдуньи, погребенной прямо под ним (защита проклятой варварки пока еще держалась), и рассредоточил внимание по Стене. Мысленно слился с камнем и глиной, с незримыми, но сильными токами, пронизывающими и объединяющими их. И даже больше, чем просто мысленно...

Ага, вот оно!

Чжао-цзы услышал стук копыт и топот ног. Увидел черную брешь в пространстве и изливающихся из нее воинов. Чужаки, выходявшие из мрака Диюйя, сразу строились в боевые порядки, готовые с ходу вступить в битву. Но на этот раз противник держался на безопасном расстоянии. Ближе к Стене не подходил. Пока...

Ну что ж, теперь стало ясно, откуда ждать атаки и куда отправлять войска.

Чжао-цзы снова поднялся на ноги. С его Тропы под Стеной как раз вышел очередной отряд. Взмахом руки Чжао-цзы закрыл Тропу. В следующий раз он откроет ее уже в другом месте.

– Воины! – грянул с башни его голос. Когда того требовали обстоятельства, Чжао-цзы умел говорить громко. – Приготовьтесь к переходу по Великой Стене, дабы самим обрести величие славы! Сейчас вы отправитесь туда, где ждет своей смерти враг! Так помогите ему умереть!

Чжао-цзы умел также быть кратким и красноречивым одновременно. Это полезное умение: тот, кто не способен вдохновлять людей перед боем, не сможет ими управлять и не одержит победы.

Людское море внизу зашевелилось и всколыхнулось. Верные «лесные демоны» линь гуй, сновавшие между рядами и шеренгами, уже должны были сообщить воинам, что им следует делать и как. Но нужно, чтобы все происходило организовано, без суматохи, толчеи и давки, которые неизбежно возникают при больших скоплениях народа и бестолковом управлении.

– Первой линии гарнизона подняться на боевые площадки! – быстро и деловито отдавал приказы Чжао-цзы. – Второй – строиться у Стены! Прикоснуться к кладке! Снаряжение и метательные машины подтащить к Стене вплотную! Третьей линии – подогнать коней.

³ Китайская мера длины. 1 ли равен 576 м.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.